Т 86/234 сл
1 карта

ЧРЕЗЪ АФГАНИСТАНЪ

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА

Н. И. ГРОДЕКОВА

Б.М.А.К.

ЗГЛИНСКОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
1880

I.

Въ сентябрѣ 1878 года я подалъ командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа рапортъ объ увольненіи меня изъ Ташкента въ отпускъ въ Одессу и Петербургъ и о разрѣшеніи прослѣдовать въ Россію чрезъ Афганистанъ и Персію. Въ случаѣ согласія, я просилъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана снабдить меня документомъ на свободный пропускъ чрезъ упомянутыя государства. Генералъ не только сочувственно принялъ мой рапортъ, но и предложилъ денежныя средства на поѣздку. По нѣкоторымъ причинамъ, я отклонилъ это предложеніе, но принялъ двадцать штукъ серебряныхъ вещицъ для подарковъ.

Рапортъ мой поданъ былъ 6-го сентября. Я разсчитывалъ совершить путь до Астрабада въ 50 дней, т. е. до наступленія зимы въ Афганистанѣ и Хорасанѣ и потому долженъ былъ торопиться отъѣздомъ. На замѣчаніе генерала Кауфмана, что мнѣ придется

долго ждать разрѣшенія эмира Ширъ-Али, я доложилъ, что, вмѣсто того чтобы ждать это разрѣшеніе въ Ташкентѣ, не лучше ли мнѣ выѣхать оттуда вмѣстѣ съ нарочнымъ, который повезетъ письмо генералъ-губернатора къ эмиру: нарочный будетъ ѣхать значительно скорѣе, чѣмъ я; кромѣ того, окончательные сборы задержатъ меня нѣкоторое время въ Самаркандѣ; такимъ образомъ, пока я доѣду до Мазаръ-и-Шерифа, мѣстопребыванія генералъ-губернатора афганскаго Туркестана, нарочный успѣетъ съѣздить въ Кабулъ и привезти въ этотъ городъ разрѣшеніе Ширъ-Али-хана на мой проѣздъ. Генералъ Кауфманъ согласился на мои доводы. и я, снабженный открытымъ листомъ за подписью и печатью генералъ-губернатора, выѣхалъ изъ Ташкента въ Самаркандъ на почтовыхъ, 24-го сентября, отправивъ заблаговременно туда своихъ людей и лошадей.

Окончательно собравшись въ дорогу, я выѣхалъ изъ Самарканда 27-го сентября, вечеромъ.

Меня сопровождали: 1) въ качествѣ переводчика и слуги, теймуръ Мустафа Рахметулинъ, родомъ изъ Гюлистана, около Мешхеда. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ мервскими туркменами, проданъ въ Бухару и освободился вслѣдствіе запрещенія русскимъ правительствомъ торговли людьми въ Хивѣ и Бухарѣ. Знаетъ три языка: персидскій, тюркскій и русскій; 2) персіянинъ Ибрагимъ мулла Гуссейновъ, родился въ Самаркандѣ; говоритъ по персидски и по тюркски; по русски плохо пони-

маетъ; исполнялъ обязанность конюха; 3) киргизъ Сергіопольскаго уѣзда, Уразалы Кожанбергеневъ. Говоритъ по русски, исполнялъ обязанность конюха.

Вооруженіе наше состояло изъ кавалерійской берданки со ста патронами и револьвера Смита-Вессона съ двѣнадцатью патронами. Впослѣдствіи, въ Мазаръ-и-Шерифѣ, были пріобрѣтены два афганскихъ ножа, а въ Мешхедѣ двустволка.

Перевозочныя средства составляли: четыре верховыя лошади, по одной на каждаго, двѣ вьючныя и одна запасная, всего семь.

Я не прибѣгалъ къ переодѣваніямъ и путешествовалъ въ форменной одеждѣ. Я не скрывалъ ни своей народности, ни чина, ни маршрута, по которому предполагалъ слѣдовать. Полагаю, что при той обстановкѣ, въ которой я находился, это лучшій способъ путешествовать по Азіи. Всякій маскарадъ только могъ повредить дѣлу, при неудовлетворительномъ знаніи мною восточныхъ языковъ и при полномъ незнаніи обрядовой стороны, которая сопровождаетъ каждый шагъ мусульманина.

Опуская разговоръ о томъ отличномъ пріемѣ, который я встрѣтилъ у бухарскаго эмира въ Китабѣ и вообще на всемъ пути моего движенія по бухарской территоріи, прямо перехожу къ повѣствованію о пріемѣ, оказанномъ мнѣ въ Афганистанѣ.

5-го октября, послѣ полудня, я прибылъ на Аму-Дарью, къ туркменскому селенію Патта-Кисаръ, гдѣ существуетъ переправа на каюкахъ. На афганскомъ

берегу, ко времени моего пріѣзда въ Патта-Кисаръ, никого не было. Приблизительно часа черезъ два, на лѣвомъ берегу показались всадники и началась установка двухъ кибитокъ. Бухарскіе чиновники тотчасъ сообщили мнѣ, что кибитки предназначаются для моего пріема, а всадники для конвоированія меня въ Мазаръ-и-Шерифъ. Этому сообщенію я охотно вѣрилъ, такъ какъ еще изъ Ширабада, за цѣлые сутки, я послалъ одного афганца, изъ числа трехъ, назначенныхъ афганскимъ посланникомъ при бухарскомъ эмирѣ сопровождать меня до Мазаръ-и-Шерифа, на лѣвый берегъ Аму, дать знать о моемъ пріѣздѣ *). Чтобы окончательно удостовѣриться въ

*) Афганскій посланникъ при бухарскомъ эмирѣ, въ проѣздъ мой чрезъ Китабъ, находился тамъ. Мнѣ хотѣлось, предъ отъѣздомъ въ Афганистанъ, повидаться съ нимъ. Безъ разрѣшенія бухарскаго эмира этого сдѣлать было нельзя. Пока шли мои переговоры съ Музаффаръ-эддиномъ, чрезъ посредство его удайчи, времени прошло много, а я между прочимъ назначилъ 30 сентября смотръ бухарскимъ войскамъ и послѣ смотра порѣшилъ ѣхать въ Шааръ, для чего бухарскими властями и были сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія. Такъ какъ, собственно говоря, я не имѣлъ никакого дѣла къ афганскому посланнику, а хотѣлъ сдѣлать ему визитъ вѣжливости (безъ чего можно было обойтись), то я и рѣшилъ не откладывать своего отъѣзда изъ Китаба, т. е. визита не дѣлать. Афганскій посланникъ, узнавъ, что я ѣду въ его страну, утромъ 30 сентября прислалъ двухъ чиновниковъ освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Подъ вечеръ того дня ему стало извѣстно, что задуманное мною посѣщеніе его не состоится. Чтобъ быть мнѣ сколько нибудь полезнымъ, онъ прислалъ мнѣ трехъ человѣкъ изъ своей свиты, для сопровожденія меня до Мазаръ-и-Шерифа.

томъ, что къ переѣзду моему на афганскій берегъ нѣтъ препятствій, я, незадолго до заката солнца, послалъ афганца, изъ числа назначенныхъ состоять при мнѣ афганскимъ посланникомъ, на мель, образовавшуюся отъ спада воды въ рѣкѣ и оттуда крикнуть на афганскій берегъ: можно ли мнѣ завтра переправиться? Послѣдовалъ отвѣтъ: можно. При этомъ афганецъ добавилъ, что конвой и кибитки приготовлены для меня.

На другой день, 6-го октября, я съ своими людьми и лошадьми, на каюкѣ переправился на афганскій берегъ. Здѣсь меня встрѣтилъ ишагасы *) Шахъ-Севаръ-ханъ, съ офицерами кавалерійскаго взвода, прибывшаго наканунѣ, и пригласилъ въ кибитку. Кибитокъ, какъ я сказалъ, было двѣ. Я направился къ ближайшей, у которой стояли часовые; но лишь только подошелъ къ ней, какъ одинъ часовой занесъ надъ моею головою саблю. Недоумѣвая, что это значитъ, я попросилъ объясненія ишагасы, и тотъ мнѣ отвѣтилъ, что въ эту кибитку входъ воспрещенъ, такъ какъ въ ней сидятъ арестованные. Я ему съ сердцемъ замѣтилъ, почему онъ не предупредилъ меня объ этомъ. Въ видѣ извиненія, ишагасы ударилъ часового. На это я ему сказалъ, что часовой исполнилъ свой долгъ и ни въ чемъ не повиненъ, а виноватъ онъ, ишагасы, который долженъ былъ указать мнѣ куда идти.

*) Камергеръ.

Войдя въ слѣдующую кибитку, мы разсѣлись на коврѣ. Послѣ обычныхъ поздравленій съ благополучнымъ пріѣздомъ и вопросовъ о моемъ здоровьи, ишагасы спросилъ меня: кто я такой, куда ѣду и зачѣмъ? Въ отвѣтъ на это я подалъ ему свой открытый листъ, въ которомъ на языкахъ русскомъ, персидскомъ и тюркскомъ было изображено слѣдующее: „Предъявитель сего, полковникъ Гродековъ, въ сопровожденіи своихъ служителей, съ разрѣшенія моего, отправляется въ Россію, чрезъ Афганистанъ и Персію. Поэтому я прошу всѣхъ начальниковъ, которые будутъ находиться на пути слѣдованія полковника Гродекова, оказывать ему содѣйствіе и покровительство. Сентября 21-го дня 1878 года. Ташкентъ. Туркестанскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ I-й“.

Прочитавъ этотъ документъ, ишагасы сказалъ, что мнѣ придется подождать здѣсь, на берегу, можетъ быть дня два, пока не придетъ разрѣщеніе луинаиба *) на пропускъ меня въ Мазаръ-и-Шерифъ. Получивъ понятіе, во время слѣдованія своего отъ пункта высадки до кибитки, о берегѣ, который представлялъ сырое мѣсто, поросшее камышомъ и

*) Таково званіе генералъ-губернатора афганскаго Туркестана, которымъ въ мое посѣщеніе былъ Хошъ-Диль-ханъ. Во время революціи, происшедшей въ Туркестанѣ по смерти Ширъ-Али-хана, Хошъ-Диль-ханъ потерялъ мѣсто и удалился въ Ташкентъ.

кустарникомъ, безъ всякихъ признаковъ человѣческаго жилья *), я заранѣе уже рѣшилъ, что ни подъ какимъ видомъ не останусь здѣсь ждать и одного часу; и если бы не было разрѣшено тотчасъ ѣхать въ Мазаръ-и-Шерифъ, то я переправлюсь обратно на бухарскій берегъ и тамъ буду ожидать это разрѣшеніе. Все это я и высказалъ ишагасы, добавивъ, что странно не пускать въ Мазаръ-и-Шерифъ меня, почти безоружнаго человѣка, когда у него, ишагасы, 30 солдатъ; что странно не пускать меня впередъ, когда афганскіе подданные у насъ ходятъ гдѣ хотятъ, когда наши государи находятся въ дружбѣ, а ихъ посланники сидятъ: одинъ въ Кабулѣ, а другой въ Ташкентѣ. Ишагасы отвѣтилъ, что въ Россіи свой законъ, а въ Афганистанѣ свой и что онъ не возьметъ на себя отвѣтственности пустить меня впередъ. Затѣмъ, извинясь, что у него есть дѣло, нетерпящее отлагательства, онъ вышелъ изъ кибитки, оставивъ меня одного.

Дѣло, не терпящее отлагательства, состояло въ томъ, что ишагасы долженъ былъ переправить на бухарскій берегъ двоюродныхъ братьевъ Абдурахманъ-хана **), давно уже сидѣвшихъ подъ карауломъ въ Кабулѣ и теперь выпускаемыхъ на волю въ Самаркандъ. Только теперь для меня стало ясно, что

*) Я не могу назвать человѣческимъ жильемъ шалашъ устроенный афганскими перевозчиками.

**) Серверъ и Исаакъ-ханы. Надняхъ они бѣжали изъ Самарканда вслѣдъ за Абдурахманъ-ханомъ.

кибитки были разбиты не для меня, а для родственниковъ Абдурахманъ-хана, что конвой пришелъ съ арестованными, а вовсе не былъ высланъ для моей встрѣчи и что наконецъ часовые стояли у кибитки съ этими родственниками. Каюкъ нагрузили людьми и лошадьми и отвалили отъ берега. Ишагасы стоялъ все время на берегу, пока каюкъ не пристalъ на бухарскую сторону. Тогда Шахъ-Севаръ-ханъ вернулся ко мнѣ въ кибитку. Я категорически спросилъ его: намѣренъ ли онъ пустить меня немедленно въ Мазаръ-и-Шерифъ, или нѣтъ? Твердо поставленный вопросъ видимо смутилъ ишагасы. Онъ началъ торговаться: вмѣсто двухъ дней просилъ меня обождать одинъ день, затѣмъ до утра слѣдующаго дня. Я оставался непреклоненъ. Выставилъ ему на видъ, что переночевавъ на сыромъ берегу, я неминуемо получу лихорадку, отъ которой никогда не избавлюсь, а мнѣ предстоитъ длинный путь, котораго я съ лихорадкой не одолѣю. Тогда ишагасы началъ убѣждать меня остаться хотя до вечера, говоря, что къ вечеру послѣдуетъ отвѣтъ луинаиба на донесеніе, посланное имъ тотчасъ послѣ отправленія родственниковъ Абдурахманъ-хана. Но я зналъ, что отъ переправы Патта-Кисаръ до Мазаръ-и-Шерифа 70 верстъ, слѣдовательно отвѣтъ луинаиба ни въ какомъ случаѣ не могъ послѣдовать къ вечеру. Я это и высказалъ ишагасы. Видя мое упорство, ишагасы приходитъ просто въ отчаяніе; онъ хочетъ задержать меня хотя на нѣсколько часовъ: велитъ зарѣ-

зать барана и готовить обѣдъ. Но я отказываюсь отъ обѣда; говорю, что буду ѣсть только на слѣдующей станціи; наконецъ возвышаю голосъ: „будетъ этому конецъ когда нибудь, или нѣтъ! Мнѣ надоѣло переливать изъ пустого въ порожнее. Сейчасъ, сію же минуту, или впередъ въ Мазаръ-и-Шерифъ, или назадъ на бухарскій берегъ! Но помните, что вы отвѣтите предъ эмиромъ за непропускъ меня въ городъ“. Я потому позволялъ себѣ такую рѣзкость, что боялся, какъ бы афганскій начальникъ уступки мои не принялъ за слабость; затѣмъ мой высокій чинъ кернеля *), а главное, дружественныя отношенія между Россіей и Ширъ-Али давали мнѣ увѣренность, что ишагасы никакого насилія не посмѣетъ надо мною учинить. Шахъ-Севаръ-ханъ поникъ головою и сталъ громко разсуждать самъ съ собою: „Пустить его впередъ—можетъ быть бѣда, не пустить—можетъ быть еще хуже; вдругъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь заболѣетъ, что я съ нимъ буду дѣлать, да и вся вина тогда падетъ на меня. Лучше пустить, все равно дальше Мазаръ-и-

*) Полковника Colonel по англійски произносится кернель. У афганцевъ нѣкоторые чины носятъ англійскія названія. Напримѣръ: меджиръ (маіоръ), аджютанъ (адъютантъ). Я совершенно случайно открылъ названіе своего чина на афганскомъ языкѣ. Переводчикъ рекомендуетъ меня Шахъ-Севаръ-хану полковникомъ. Тотъ не понимаетъ. Говорю ему по-турецки: миръ-олай. Не понимаетъ. Наконецъ мнѣ почему-то приходитъ въ голову назвать себя по-французски: колонель. Тогда ишагасы понялъ. „А, вы кернель“!

Шерифа не пойдетъ". Затѣмъ поднявшись съ ковра и обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „хорошо, поѣдемъ; только вы должны знать, что изъ Мазаръ-и-Шерифа васъ не выпустятъ безъ разрѣшенія эмира". — Это до васъ не касается, отвѣтилъ я ему:—въ Мазаръ-и-Шерифѣ я буду имѣть дѣло съ луинаибомъ, а не съ вами. Черезъ полчаса мы тронулись въ путь.

Отъ переправы Патта-Кисаръ до Сіягирда, гдѣ имѣли ночлегъ, 50 верстъ. Сначала около трехъ верстъ дорога идетъ по сырой мѣстности, затопляемой во время разливовъ Аму-Дарьи и поросшей камышемъ и кустарникомъ патта *). Съ третьей версты начинаются пески, которые переходятъ въ довольно высокіе барханы, поросшіе гребенщикомъ и саксауломъ. Пески тянутся на протяженіи 35 верстъ, до начала развалинъ города Сіягирда. Отсюда начинается открытая, ровная степь и глинистый грунтъ до самаго Мазаръ-и-Шерифа. Развалины Сіягирда (глиняныя) тянутся на протяженіи 12 верстъ, до теперешняго селенія Сіягирдъ, имѣющаго всего 50 дворовъ. Отъ Патта-Кисара до Сіягирда воды нѣтъ. Дорога въ пескахъ очень трудная. Въ Сіягирдъ вода проведена изъ рѣчки, вытекающей изъ отроговъ Паропамиза.

Подъ впечатлѣніемъ нашего разговора на берегу Аму-Дарьи, ишагасы былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Я первый заговорилъ. Похвалилъ

*) Патта-кисаръ, значитъ срубленная патта.

его лошадь, подивился его гигантскому росту, похвалилъ его оружіе, даже его огромный стаканъ, висѣвшій у него черезъ плечо въ кожаномъ чехлѣ. Ишагасы повеселѣлъ. Мы разговорились. Оказалось, что онъ довольно близко былъ знакомъ съ ходомъ турецкой кампаніи и свѣдѣнія о ней черпалъ изъ оффиціальной газеты, издающейся въ Кабулѣ. Шахъ-Севаръ-ханъ помнилъ имена всѣхъ турецкихъ генераловъ, но ни одного русскаго, ссылаясь на то, что русскія фамиліи трудно выговаривать. Онъ знаетъ имя нашего Императора. Читалъ исторію Петра Великаго, котораго называетъ Федеръ. Интересовался численностью нашей арміи вообще и въ Туркестанѣ особенно. Чтобъ не остаться у него въ долгу, я началъ высыпать свои познанія по новѣйшей исторіи Афганистана, за послѣднія 30 лѣтъ. Наконецъ перешли къ послѣднему столкновенію Ширъ-Али-хана съ англичанами. На вопросъ: „будетъ ли допущено въ Кабулъ англійское посольство?“, ишагасы отвѣчалъ: „ни за что на свѣтѣ“.—„Ну, а если англичане объявятъ вамъ войну?“—„Мы справимся съ ними, какъ справлялись уже не разъ“.

Остановки дѣлали раза три и тогда поили людей, курили кальянъ. Ни мнѣ, ни моимъ людямъ, воды и покурить не предлагали. Въ Сіягирдѣ на ночлегѣ, когда мой человѣкъ хотѣлъ было взять афганскій кувшинъ, чтобы налить воды въ нашъ чайникъ, нѣсколько человѣкъ подбѣжали къ нему и сказали, чтобы онъ не прикасался къ ихъ кувшинамъ; а если

ему будетъ нужна вода, то онъ можетъ сказать имъ и они сами нальютъ ему воды. Оказалось, что мы были кафыры, поганые. Впослѣдствіи моимъ людямъ позволили курить кальянъ, но чубукъ при этомъ вынимали и они должны были прикладывать губы къ дырѣ въ сосудѣ, куда вставляется чубукъ.

Во время одной остановки для поенія людей, я продолжалъ движеніе. Мнѣ начали кричать, чтобы я остановился. Показывая видъ, что не слышу, я продолжаю ѣхать. Тогда ко мнѣ подскакиваютъ трое солдатъ. Я имъ отвѣчаю, что не я долженъ сообразоваться съ ними, а они со мною. Пусть они не забываютъ, кто я такой. Солдаты осадили и я продолжалъ движеніе. Когда люди напились, то нагнали меня рысью. Я опять напустился на ишагасы. Неужели онъ думалъ, что я могу убѣжать? И какъ ему можетъ придти въ голову такая мысль? Вѣдь я прибылъ въ ихъ страну по доброй волѣ. Куда я убѣгу, какъ могу убѣжать? Ишагасы оправдывается: ему никогда не приходила въ голову мысль, что я могу убѣжать; онъ только заботился о моей безопасности. Я ему отвѣчаю: „что вы вздоръ городите! Перестаньте ломать комедію! Кругомъ видно на цѣлый фарсангъ *). Ни одного человѣка. Какая тутъ опасность. Примите за правило, что не я долженъ сообразоваться съ вами, а вы со мною“. Когда пришло время слѣдующей остановки, то ишагасы уже просилъ у меня позволенія остановиться.

*) Персидская мѣра длины—около 6 верстъ.

Мы двигались быстро. На степи, у развалинъ Сіягирда, ишагасы нѣсколько разъ пускалъ свою лошадь въ карьеръ. Онъ не пропускаетъ ни одной птицы; чуть завидитъ ее, сейчасъ снимаетъ изъ-за плеча двустволку и стрѣляетъ. У этого человѣка большой избытокъ силъ.

Въ Сіягирдѣ меня помѣстили въ одномъ домѣ, рядомъ съ ишагасы. У квартиры моей поставили двухъ часовыхъ, назначеніе которыхъ состояло въ томъ чтобы не выпускать меня изъ виду и неотступно слѣдовать за мною, куда бы я ни пошелъ.

Когда уже смерклось, я вышелъ на дворъ, поговорить съ офицерами. Одинъ изъ часовыхъ громко сказалъ: „Если бы была моя воля, то этого кафыра я изрубилъ бы въ куски!“ Эти слова были произнесены въ присутствіи двухъ офицеровъ, и они не сдѣлали часовому никакого замѣчанія, хотя не могли не знать, что если я не понимаю по персидски, то понимаетъ мой переводчикъ и что онъ мнѣ все передастъ. Передавъ слова часового, Мустафа добавилъ отъ себя, что нѣтъ ничего мудренаго, если кто нибудь приведетъ желаніе солдата въ исполненіе, такъ какъ убійца кафыра навѣрно сдѣлается святымъ. Побесѣдовавъ нѣсколько времени съ офицерами, я удалился въ свою комнату, поужиналъ пловомъ, приготовленнымъ афганцами и легъ спать, забаррикадировавъ входъ къ себѣ вьючными сундуками и приготовивъ на всякій случай револьверъ. Ночь прошла благополучно. На другой день Му-

стафа передаетъ мнѣ, что во время чистки сапогъ, ночью, онъ слышалъ, какъ одинъ солдатъ говорилъ другому: „пойдемъ, убьемъ кафыра; ничего что потомъ будетъ намъ плохо: за то ты знаешь, что насъ ожидаетъ въ будущей жизни“.—„Но вѣдь придутъ русскіе мстить за его смерть и завоюютъ нашу землю; тогда всѣмъ будетъ плохо“.—„Развѣ нельзя сказать, что онъ не переходилъ на нашъ берегъ?“—„Онъ не такой маленькій человѣкъ, чтобы русская власть не слѣдила, гдѣ онъ находится; вѣдь онъ кернель; да и бухарцы скажутъ, что сдали его намъ съ рукъ на руки цѣлымъ. Лучше не думать объ этомъ“. Происходилъ ли дѣйствительно подобный разговоръ, утверждать не могу. Но не думаю, чтобы Мустафа лгалъ; ему лично не было никакой пользы лгать; напротивъ: ему былъ разсчетъ скорѣе скрывать отъ меня подобные разговоры, потому что онъ могъ предположить, что они заставятъ меня вернуться въ Ташкентъ; между тѣмъ онъ имѣлъ въ виду достичь Мешхеда, своей родины, и увидѣть своихъ родителей, отъ которыхъ былъ оторванъ 11 лѣтъ тому назадъ. Я вѣрилъ тому, что передавалъ Мустафа; я видѣлъ, что среди конвоировавшихъ меня солдатъ были фанатики и рѣшилъ держать ухо востро.

Отъ Сіягирда до Мазаръ-и-Шерифа оставалось 18 верстъ. Мы встали поздно, часовъ около шести. Я вышелъ умываться на дворъ; афганцы собрались смотрѣть на процессъ умыванья. Когда дѣло дошло до чистки зубовъ щеточкою, любопытные спросили:

„изъ чего она сдѣлана?“ Мустафа отвѣтилъ: „изъ свиной щетины“. Всѣ присутствующіе начали отплевываться. Вслѣдствіе этого я сдѣлалъ уступку: на будущее время рѣшилъ умываться въ комнатѣ или въ палаткѣ.

Мы выѣхали въ восемь часовъ утра. Чрезъ часъ движенія передъ нами открылись въ отдаленіи Тохтапулъ, Мазаръ-и-Шерифъ и Гуримаръ. Четыре голубые минарета въ Мазаръ-и-Шерифѣ ясно обозначались среди сѣрыхъ построекъ этого города. Нашъ путь лежалъ прямо на святилище; но подходя къ городу, мы свернули съ дороги и пошли цѣликомъ чрезъ поля, пока не вышли на дорогу, ведущую въ Мазаръ-и-Шерифъ изъ Тохтапула. Стало ясно, что афганцы не желаютъ, чтобы я проѣхалъ мимо святилища. Когда мы подошли къ самому городу, то ишагасы приказалъ солдатамъ обнажить сабли. Затѣмъ мы слѣдовали по городу въ такомъ порядкѣ: впереди три солдата, потомъ трубачъ, все время игравшій сигналы, я рядомъ съ ишагасы, Мустафа и наконецъ взводъ. Я спросилъ ишагасы: для чего солдаты обнажили сабли? Онъ отвѣчалъ: „для вашей безопасности: нашъ народъ дикій, необузданный, мало ли что можетъ случиться“.—Ну вотъ, вы приняли мѣры предосторожности противъ покушенія на меня со стороны жителей; а позвольте васъ спросить: какія вы мѣры приняли противъ покушенія на мою жизнь со стороны вашихъ солдатъ, которые вѣдь взяты изъ среды населенія, также дики и нео-

бузданны и также могутъ отправить меня на тотъ свѣтъ. Признаться вамъ, я больше опасаюсь вашихъ солдатъ, чѣмъ населенія, и на это имѣю причины. Населеніе въ вашемъ Туркестанѣ состоитъ изъ узбековъ, которыхъ я знаю и въ средѣ ихъ буду такъ же покоенъ, какъ у себя дома. Не буду ли я правъ, если скажу, что вы хотите показать въ городѣ, что я вашъ трофей, т. е. вашъ плѣнникъ.—„Думайте, что хотите; но я васъ долженъ доставить цѣлымъ и невредимымъ; я отвѣчаю за каждый волосъ, который упадетъ съ вашей головы“. Мы долго кружили по улицамъ. Солдаты, ѣхавшіе впереди, не позволяли никому изъ жителей идти или стоять на нашемъ пути, а гнали ихъ въ сосѣдніе переулки. Проѣзжая мимо базарныхъ воротъ, я сказалъ ишагасы, что было бы хорошо проѣхаться по базару и показать народу трофей, но онъ не удостоилъ меня своимъ отвѣтомъ. Вообще на всемъ переходѣ къ Мазаръ-и-Шерифу (7-го октября) ишагасы былъ мраченъ, мало говорилъ; по мѣрѣ приближенія къ городу становился задумчивѣе: вѣроятно, онъ измышлялъ какой дать отвѣтъ луинаибу за привозъ меня въ Мазаръ-и-Шерифъ.

II.

Наконецъ мы пріѣхали къ дому, который предназначенъ былъ для моего жительства. Въ этомъ самомъ домѣ жили члены нашего посольства, въ іюлѣ 1878 года, въ ожиданіи разрѣшенія Ширъ-Али-хана прибыть въ Кабулъ. Чтобы добраться до моей квартиры, надо было пройдти три двора: первый обширный дворъ, гдѣ приготовляли сырцовый кирпичъ, второй, поменьше, гдѣ мы слѣзли съ коней и гдѣ спѣшились десять кавалеристовъ, которые и пошли за нами, и третій, еще поменьше, гдѣ находилось человѣкъ десять афганцевъ и гдѣ кипѣло нѣсколько котловъ. Изъ третьяго двора вела калитка въ обширный дворъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ обстроенный двухъэтажными строеніями изъ глины. Покои, отведенные для меня въ одномъ изъ этихъ строеній, состояли изъ двухъ комнатъ: одной, длиною 10 шаговъ и шириною 6 и другой, 6 шаговъ въ квадратѣ.

Полъ большой комнаты былъ покрытъ паласомъ, сверху котораго постланъ бѣлый коленкоръ, а полъ малой комнаты застланъ дешевыми коврами. Стѣны первой комнаты были грубо расписаны цвѣтами и фруктами; стѣны второй комнаты были украшены выпуклыми рисунками изъ алебастра, покрытыми бѣлымъ составомъ, похожимъ на серебро; здѣсь же были наклеены, въ видѣ украшенія, этикеты съ коробокъ леденцевъ Ландрина и ярлыки товарищества с.-петербургскаго сахаро-рафинаднаго завода. Мы, т. е. я, ишагасы, два офицера и одинъ дафадаръ (десяточный унтеръ-офицеръ), вошли въ описанныя комнаты и здѣсь ишагасы объявилъ, что эти комнаты, а также весь дворъ предоставляются въ полное мое распоряженіе. Усѣлись на полу. Подали чай. Я предложилъ его ишагасы и прочимъ офицерамъ; но они отъ чаю отказались. Когда я выпилъ одну чашку, мои посѣтители поднялись и начали прощаться, желая мнѣ всего лучшаго. Я поблагодарилъ всѣхъ за заботы обо мнѣ во время пути и просилъ ишагасы доложить луинанбу, что я готовъ ему представиться хотя сегодня; даже очень желаю его видѣть сегодня. Ишагасы, замѣтивъ, какой я безпокойный человѣкъ, обѣщался доложить мою просьбу Хошъ-Диль-хану, но сомнѣвается, чтобъ онъ принялъ меня сегодня; по всей вѣроятности, пріемъ послѣдуетъ завтра. Затѣмъ ишагасы обѣщалъ навѣстить меня утромъ. Ишагасы всю дорогу лгалъ; солгалъ и въ этотъ разъ: я его больше не видѣлъ.

Оставшись наединѣ, я вышелъ на дворъ осмотрѣть свою резиденцію. Дворъ имѣлъ 150 шаговъ длины и 75 ширины. Во всю длину его пересѣкалъ широкій арыкъ, у котораго росли шесть великолѣпныхъ чинаровъ. По другую сторону арыка, въ тѣни одного изъ чинаровъ, сдѣлано было искусственное возвышеніе изъ глины, покрытое алебастромъ. Здѣсь же росло нѣсколько персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ. Дворъ былъ посыпанъ пескомъ и содержался въ большой чистотѣ. Всѣ зданія, въ одномъ изъ которыхъ устроена баня, были необитаемы. Рядомъ съ моей квартирою была большая комната, въ которой лѣтомъ 1878 года помѣщался генералъ Столѣтовъ.

Осмотрѣвъ дворъ и строенія, я пошелъ было черезъ сосѣдній небольшой дворикъ на слѣдующій, гдѣ оставилъ своихъ лошадей; но былъ остановленъ однимъ афганцемъ, который почтительно доложилъ мнѣ, что я туда входить не могу. Смотрю: изъ калитки сосѣдняго двора выглядываютъ пѣхотинцы съ ружьями. Я понялъ, что ко мнѣ приставленъ караулъ. Я вернулся на свой дворъ, а вслѣдъ за мною вошелъ секретарь луинаиба, Магометъ-Мусинъ-ханъ, за которымъ несли два кресла, обитыя кожею. Отрекомендовавшись, что онъ приставленъ ко мнѣ луинаибомъ, Магометъ-Мусинъ-ханъ просилъ обо всемъ, что только мнѣ будетъ нужно, обращаться къ нему, самъ же онъ будетъ заходить ко мнѣ каждый день. Затѣмъ онъ сказалъ, что луинаибъ, зная, что рус-

скіе не привыкли сидѣть по восточному, посылаетъ мнѣ два кресла. Потомъ началось представленіе людей, назначенныхъ служить при мнѣ. Такихъ людей оказалось семь: назирь (расходчикъ, мажордомъ) Али-Риза, старикъ; комнатный слуга, онъ же завѣдывающій чаемъ и кальяномъ, Яръ-Магометъ; поваръ, его помощникъ, судомойка, дворникъ и банщикъ. Всѣ эти люди состоятъ на обязательной службѣ и должны служить до смерти или до совершенной неспособности. Всѣ они начинаютъ службу въ строю; затѣмъ ихъ назначаютъ въ разныя нестроевыя должности, въ родѣ описанныхъ; потомъ берутъ опять въ строй, опять переводятъ въ нестроевые и такъ всю жизнь. Иногда ихъ отпускаютъ домой на побывку.

Первое знакомство съ Магометъ-Мусинъ ханомъ и представленіе людей происходили на дворѣ. Я пригласилъ Магометъ-Мусинъ-хана къ себѣ въ комнату. Мы усѣлись въ креслахъ. „Отнынѣ, вы гость эмира Ширъ-Али хана“, сказалъ мнѣ Магометъ-Мусинъ-ханъ. Потомъ задалъ тѣ же вопросы, которые задавалъ ишагасы на берегу Аму-Дарьи: кто я такой, зачѣмъ пріѣхалъ и пр. Попросилъ мой видъ, прочиталъ его и спряталъ къ себѣ въ карманъ, говоря, что покажетъ его луинаибу. Я спросилъ, когда луинаибъ назначитъ мнѣ аудіенцію. Магометъ-Муссинъ-ханъ отвѣтилъ, что онъ объ этомъ еще не знаетъ, но пойдетъ испросить приказаній. Позвавъ Яръ-Магомета, онъ потребовалъ себѣ чаю.

Ему подали чайникъ и чашку другіе, чѣмъ подавались мнѣ. Впослѣдствіи, всякій разъ, какъ приходилъ ко мнѣ Магометъ-Мусинъ-ханъ, онъ требовалъ себѣ чаю и ему подавали его въ другой посудѣ чѣмъ мнѣ. Эта посуда была чистая; я же пилъ изъ той, которая была опоганена членами нашего посольства. Изъ подававшейся мнѣ посуды не пили и приставленные ко мнѣ афганцы, а по ихъ примѣру, перестали употреблять ее и мои люди: киргизъ Уразалы и персіянинъ Ибрагимъ. Одинъ только Мустафа остался мнѣ вѣренъ во всѣхъ обстоятельствахъ моего странствованія. Онъ не обращалъ вниманія на эпитетъ кафыра, который давали ему афганцы. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Мустафа, долго живя въ Ташкентѣ и находясь въ услуженіи у одного чиновника, до того обрусѣлъ, что съ спокойною совѣстью ѣлъ свинину и пилъ вино. Конечно, онъ умалчивалъ предъ афганцами о такомъ страшномъ нарушеніи закона, а афганцы сильно интересовались, ѣдимъ ли я и мои люди свинину и пьемъ ли мы вино. Я имъ всякій разъ отвѣчалъ, что свинину очень уважаю и вина не прочь выпить. Офицерство афганское, преимущественно изъ персіянъ, постоянно спрашивало, нѣтъ ли у меня водки. Они крайне сожалѣли, что у меня ея нѣтъ, а она имъ очень нужна для леченія. Въ большихъ городахъ Афганистана существуетъ тайная продажа водки и высшее сословіе сильно употребляетъ ее. Попадаются даже пьяницы. Такъ, дабиръ-уль-мулькъ, по-

сланникъ въ Ташкентѣ, совершеннѣйшій пьяница, пьющій по ночамъ въ одиночку *).

Напившись чаю и съѣвъ чайные листья, Магометъ-Мусинъ-ханъ ушелъ. Али-Риза и Яръ-Магометъ тотчасъ принесли обѣдъ, состоявшій изъ плова съ анисомъ **) и бараниной, супа изъ баранины и соуса, баранина съ капустой. Все это было прилично, въ размѣрахъ для одного человѣка, не такъ, какъ въ Бухарѣ, гдѣ для меня одного ставили полпуда лепешекъ, два-три блюда, аршинъ въ діаметрѣ каждое, съ пловомъ, столько же блюдъ съ вареной бараниной и курами, окрашенными шафраномъ и неокрашенными. Послѣ обѣда подали арбузы и дыни, наконецъ чай, который поднесли было предъ обѣдомъ, но я перенесъ его въ конецъ. Людямъ моимъ отпустили только пловъ съ небольшимъ количествомъ баранины. Привыкнувъ во время десяти-дневнаго путешествія по Бухарѣ къ угощеніямъ въ неограниченныхъ размѣрахъ и къ разнымъ лакомствамъ, которыя подавались въ такомъ огромномъ количествѣ, что они не могли ихъ съѣдать и большую часть продавали, мои люди были крайне недовольны афган-

*) Слышалъ отъ Мустафы, который нѣкоторое время состоялъ при афганскомъ посольствѣ въ качествѣ переводчика. По просьбѣ дабиръ-уль-мулька, онъ тайно приносилъ ему водку. Посланникъ принимался пить, когда свита его ложилась спать. Каждый вечеръ выпивалось двѣ бутылки.

**) Анисъ въ большомъ употребленіи на лѣвомъ берегу Аму, въ Афганистанѣ и въ Персіи и почти неизвѣстенъ въ Туркестанѣ, на правомъ берегу этой рѣки.

скимъ угощеніемъ. Пришли жаловаться и на то, что баранины дали мало, и на то, что пловъ былъ холодный. Заодно заявили, что проклятый афганъ не даетъ лошадямъ клевера, отпускаетъ только солому *), а имъ, людямъ не позволяетъ сходить въ мазаръ помолиться Богу. На счетъ неудовлетворительности пищи я обѣщалъ заявить Магометъ-Мусинъ-хану; на счетъ фуража сказалъ, что здѣсь въ обычаѣ кормить соломою; а о дозволеніи сходить въ мечеть обѣщалъ просить луинаиба, при свиданіи съ нимъ.

Какъ разъ въ это время пришелъ Магометъ-Мусинъ-ханъ и сообщилъ, что луинаибъ приметъ меня завтра, 8-го октября, въ 8 часовъ утра. Я принесъ жалобу на счетъ неудовлетворительности пищи. Магометъ-Мусинъ-ханъ позвалъ Али-Ризу, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и погрозилъ, что въ случаѣ новой жалобы, онъ лишится ушей.

На другой день, въ половинѣ восьмого часа утра, явился Магометъ-Мусинъ-ханъ, чтобы провожать меня къ луинаибу. Я надѣлъ мундиръ. Мы тронулись во дворецъ генералъ-губернатора въ такомъ порядкѣ: впереди, шагахъ въ десяти, шли двое пѣшихъ сол-

*) На лѣвомъ берегу Аму мало разводятъ клеверу и лошадей кормятъ соломой, прибавляя иногда къ ней въ измельченномъ видѣ жгутъ клеверу. На лѣвомъ берегу клеверъ вяжется не въ снопы, какъ въ нашемъ Туркестанѣ или въ Бухарѣ и Хивѣ, а въ длинные жгуты, которые, прежде выдачи лошадямъ, должны быть истреплены.

датъ, за ними я, потомъ Магометъ-Мусинъ-ханъ, Мустафа и наконецъ десять пѣшихъ солдатъ. Собственно говоря, это не были настоящіе солдаты, а милиціонеры, ополченцы, называемые хазадаръ. Ихъ собираютъ по мѣрѣ надобности, для мѣстной службы, въ помощь полевымъ войскамъ. Вслѣдствіе столкновенія съ англичанами, изъ Туркестана были двинуты въ Кабулъ шесть полевыхъ батальоновъ. Взамѣнъ ихъ, для мѣстной службы, собрано было 1,000 хазадаровъ. Хазадарамъ отпускаются: красная шапка, армячинные кафтанъ и штаны на годъ и 6 рупій (3 р. 60 к.) въ мѣсяцъ. На эти деньги они должны содержать себя. Караулъ при моей квартирѣ состоялъ изъ десяти хазадаровъ, при одномъ унтеръ-офицерѣ. Для сопровожденія же меня во дворецъ вытребованъ былъ особый караулъ.

Дорога, по которой мы шли, была полита водою, а на улицѣ, которая пересѣкала нашъ путь, стояли полицейскіе, имѣвшіе назначеніе никого не пропускать во время нашего слѣдованія. Оказалось, что я жилъ шагахъ въ 600 отъ дома генералъ-губернатора. При входѣ въ дворцовый садъ стоялъ часовой въ красномъ мундирѣ и отдалъ мнѣ честь. Здѣсь сопровождавшіе меня хазадары были остановлены и мы продолжали путь втроемъ (я, Магометъ-Мусинъ-ханъ и Мустафа). На всѣхъ перекресткахъ дорогъ обширнаго сада стояли часовые; такихъ часовыхъ я насчиталъ 14; на самомъ дѣлѣ ихъ больше. При прохожденіи мимо часовыхъ, Могометъ-Мусинъ-ханъ же-

стами показывалъ имъ, чтобы они отдавали мнѣ честь. Перпендикулярно къ дворцу, противъ открытой галлереи, гдѣ долженъ былъ происходить пріемъ, выстроена была рота пѣхоты такъ называемыхъ парадеровъ. Парадеры—это дворцовая гвардія: они содержатъ караулы въ генералъ-губернаторскихъ резиденціяхъ, но могутъ быть выведены и для дѣйствій въ полѣ. Люди были одѣты въ красные суконные мундиры съ желтыми воротниками, погонами и обшлагами и бѣлыми кантами по борту, воротнику и обшлагамъ, бѣлые бумажные штаны, башмаки на босу ногу и войлочныя каски съ металлическими звѣздами на лбу; на шеяхъ бѣлые платочки. Вооруженіе—нарѣзное ружье, заряжающееся съ дула, со штыкомъ. Портупеи поясная и чрезъ правое плечо: послѣдняя прикрѣплена къ поясной; кожа бѣлая, какъ у насъ въ гвардіи. Народъ все рослый, видный. Брѣютъ бороды и носятъ бакенбарды въ видѣ тонкой полосы отъ ушей къ оконечностямъ губъ. Лица совершенно напоминаютъ нашихъ старыхъ гвардейскихъ солдатъ, когда у нихъ усы и баки нафабрены. Офицеры одѣты въ темносиній однобортный сюртукъ, черные штаны и войлочную шляпу съ широкими полями, обернутую голубою кисеею. Я прошелъ по фронту; чести не отдали.

Подойдя къ дворцу и поднявшись на нѣсколько ступеней, я очутился въ обширной галлереѣ, уставленной по стѣнѣ креслами, совершенно такими же, какія были присланы ко мнѣ на квартиру. Полъ гал-

лереи былъ покрытъ коврами. Кошъ-Диль ханъ сидѣлъ на креслѣ. При входѣ моемъ на галлерею онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу. Мы подали другъ другу руки и луинаибъ пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ нимъ. Кромѣ насъ на галлереѣ сидѣли въ отдаленіи: Магометъ-Мусинъ-ханъ и мирза низамъ*) Сафаръ-этдинъ.

Луинаибъ Хошъ-Диль-ханъ генералъ губернаторъ**) обширной провинціи, въ составъ которой вошли всѣ узбекскія ханства, находившіяся между Аму и горами Бадахшанъ. Луинаибъ для своего высокаго положенія очень молодъ. Ему всего тридцать лѣтъ. Это красивый мужчина, съ черной бородой, по афганскому обычаю, коротко подстриженною; роста выше средняго; крѣпкаго тѣлосложенія. Онъ былъ одѣтъ въ синій двухбортный сюртукъ съ костяными пуговицами, синіе штаны, лакированные сапоги, войлочную каску и бѣлыя нитяныя перчатки; шея была повязана голубымъ шелковымъ платочкомъ. Луинаибъ женатъ на родной сестрѣ эмира Ширъ-Али-хана, и этимъ можно объяснить, что въ такихъ молодыхъ годахъ онъ занимаетъ такой важный постъ. Его гене-

*) Должность, соотвѣтствующая нашей начальника штаба. Сафаръ-этдинъ родомъ узбекъ. За все время своего пребыванія въ Афганистанѣ я встрѣтилъ только двухъ узбековъ въ военной службѣ: мирзу низама и одного кавалериста. Афганцы считаютъ узбековъ неспособными къ войнѣ и въ военную службу не берутъ.

**) Афганистанъ раздѣленъ на четыре генералъ-губернаторства: кабульское, кандагарское, гератское и туркестанское.

ралъ-губернаторство ближайшее къ Россіи и даже непосредственно съ ней соприкасается (съ Ферганской областью); оно граничитъ съ землями независимыхъ туркменъ; въ составъ его вошло десять узбекскихъ государствъ. Въ рукахъ луинаиба находятся гражданская и военная части.

Здѣсь я нѣсколько уклонюсь отъ продолженія разсказа объ аудіенціи у луинаиба и очерчу вкратцѣ положеніе афганцевъ въ Туркестанѣ.

Въ составъ афганскаго Туркестана вошли слѣдующія ханства: Меймене, Сарыпуль, Шибирханъ, Акча, Андхой, Балхъ, Гурзиванъ, Дарзабъ, Кундузъ и Бадахшанъ. Въ настоящее время осталось полунезависимымъ только одно небольшое ханство Андхойское. Теперешнему хану Андхоя сохранены его владѣнія за тѣ помощь и содѣйствіе, которыя онъ оказалъ войскамъ Ширъ-Али-хана, при покореніи четыре года тому назадъ Меймене. МиръДоулетъ-ханъ получаетъ ежегодную пенсію изъ кабульской казны въ размѣрѣ 12-ти тысячъ рупій (7,200 рублей). Въ Андхоѣ постоянно стоитъ полкъ афганской кавалеріи, который имѣетъ назначеніе защищать владѣнія хана отъ набѣговъ туркменъ. Самъ ханъ обязанъ ежегодно являться къ луинаибу, съ приношеніями, которыя идутъ въ кабульскую казну. Во внутреннемъ управленіи Миръ-Доулетъ-ханъ дѣйствуетъ самостоятельно и властенъ предавать смертной казни своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, Ширъ-Али-ханъ, относительно этого деспота, примѣнилъ ту

политику, какая практикуется англичанами въ Индустанѣ. Не имѣя законнаго предлога непосредственно присоединить къ себѣ Андхой, онъ сдѣлалъ Миръ-Доулетъ-хана своимъ пенсіонеромъ и затѣмъ держитъ при немъ войско, которое, подъ предлогомъ защиты ханства отъ туркменъ, изображаетъ изъ себя дамокловъ мечъ, готовый опуститься лишь только теперешній деспотъ станетъ неугоднымъ эмиру.

Ханство Меймене покорено лишь четыре года тому назадъ. Это ханство, послѣ Бадахшана, было наибольшимъ; въ немъ считалось 100 тысячъ жителей. Послѣднимъ ханомъ Меймене былъ Миръ- Гуссейнъ. Война ему была объявлена за постоянные грабежи и плѣненіе афганскихъ подданныхъ въ Туркестанѣ. Афганцы двинули къ столицѣ ханства до 10 тыс. войска и 20 орудій. Для перевозки этихъ послѣднихъ произведены были обширныя работы по разработкѣ дороги изъ Сарапуля. Войска двигались съ двухъ сторонъ: изъ Мазаръ-и-Шерифа и изъ Герата. Городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ. На шестомъ мѣсяцѣ осады въ стѣнѣ пробита брешь; войска пошли на штурмъ и вырѣзали 18,000 защитниковъ; городъ разграбленъ и разрушенъ. Миръ-Гуссейнъ-ханъ, мужественно защищаясь въ цитадели, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Кабулъ. Такъ какъ Меймене, во время войны съ Афганистаномъ, помогали ханства Сарыпуль и Шибирханъ, то и они были покорены и присоединены къ владѣніямъ

Ширъ-Али-хана. Самое покореніе этихъ ханствъ совершено было раньше покоренія Меймене, потому что они лежали на пути къ столицѣ ханства. Послѣдній сарыпульскій ханъ былъ Магометъ; онъ, въ настоящее время, плѣнникъ въ Кабулѣ. Послѣдній ханъ Шибирхана былъ Хакимъ-ханъ; онъ умеръ въ плѣну въ Кабулѣ. Ханство Акча присоединено къ Афганистану 30 лѣтъ тому назадъ. Послѣдній ханъ былъ Ишанъ-Аурахъ; умеръ въ плѣну въ Кабулѣ. Ханство Балхъ, въ составъ котораго входилъ и Мазаръ-и-Шерифъ, присоединено также 30 лѣтъ тому назадъ. Послѣдній ханъ Рустемъ убитъ въ Кабулѣ своимъ племянникомъ. Ханство Гурзиванъ состояло всего изъ одного кишлака въ 400 дворовъ. Присоединено къ Афганистану 10 лѣтъ тому назадъ. Ханство Дарзабъ, состоявшее изъ трехъ кишлаковъ: Дарзаба, Бельчирага и Кауліана, присоединено къ Афганистану 10 лѣтъ тому назадъ. Кундузъ и Хулумъ покорены 30 лѣтъ тому назадъ. Бадахшанъ покоренъ шесть лѣтъ тому назадъ. Послѣдній владѣтель Бадахшана, Джандаръ-шаа, проживалъ на русской пенсіи въ 1,500 рублей въ Учь-Кургане, Ферганской области; убитъ въ августѣ 1878 года двумя своими сыновьями за жестокое съ ними обращеніе.

Изъ этого перечня видно, что афганцы въ Туркестанѣ суть пришлые завоеватели и что, собственно говоря, Туркестанъ покоренъ на нашихъ глазахъ. Хотя съ приходомъ афганцевъ и водворился порядокъ, а главное, миръ, тогда какъ занятіемъ преж-

нихъ хановъ была война и грабежъ; но узбеки сразу почувствовали тяжелую руку завоевателей. Считая узбековъ женоподобными, неспособными къ войнѣ, завоеватели, взамѣнъ военной службы, наложили на нихъ самые разнообразные и тяжелые налоги. Если и берутся люди на службу, то на службу нестроевую, какъ напримѣръ въ верблюдовожатые. Узбеку закрытъ путь къ повышенію и власти. Единственный узбекъ, который пробился впередъ и имѣетъ значеніе, это Сафаръ-этдинъ, мирза низамъ. Обращеніе афганцевъ съ узбеками самое высокомѣрное. Простой афганскій солдатъ считаетъ себя существомъ высшей породы въ сравненіи съ узбекомъ; онъ зачастую употребляетъ въ дѣло плеть или прикладъ. Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ афганскіе солдаты, безъ дѣла разгуливавшіе по улицамъ въ городѣ или селеніи, потѣшались надъ беззащитными узбеками, колотя ихъ нагайками. А что они продѣлывали съ несчастными жителями, вымучивая ихъ выносить намъ и конвою довольствіе *). Изъ опасенія возстанія, у узбековъ отобрано оружіе. Исключеніе составляютъ жители въ округахъ, подверженныхъ набѣгамъ туркменъ. Узбекъ, чувствуя свою слабость, прикидывается покорнымъ и ждетъ случая, который принесъ бы ему облегченіе настоящей тяжелой его участи. Онъ

*) Надо впрочемъ замѣтить, что афганцы всегда исправно расплачивались, или же выдавали населенію квитанціи, которыя представляются ими въ счетъ податей.

ждетъ облегченія и отъ Абдурахманъ-хана и отъ русскихъ. Имя Абдурахманъ-хана произносится въ Афганскомъ Туркестанѣ съ благоговѣніемъ, но не иначе какъ шепотомъ, потому что если до уха афганской власти дойдетъ это страшное ей имя, то произнесшаго его схватятъ, начнутъ допытывать, и хорошо еще если виновный отдѣлается носомъ или ушами. Бываетъ и хуже. При мнѣ, въ Мазаръ-и-Шерифѣ, по распоряженію Хошъ-Диль-хана, было повѣшено *) двое узбековъ за высказанное ими сочувствіе къ претенденту на афганскій престолъ. Стоило мнѣ, въ разговорѣ съ своимъ переводчикомъ, произнести имя Абдурахманъ-хана, какъ нѣсколько афганцевъ немедленно обращались съ вопросомъ: „что вы сказали про Абдурахманъ-хана?“ Будучи поражены могуществомъ Россіи, смирившей Хиву и Бухару, узбеки лѣваго берега Аму почему-то убѣждены, что движеніе русскихъ Самаркандомъ не окончится и что рано или поздно они перейдутъ Аму и утвердятся на лѣвомъ берегу этой рѣки. Слыша изъ тысячей устъ русскихъ мусульманъ, ежегодно приходящихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Мазаръ-и-Шерифъ на поклоненіе могилѣ Али **),

*) Лунпанбъ имѣетъ право казнить смертью.

**) Узбеки разсказываютъ, что когда Али умеръ, тѣло его положили на бѣлую верблюдицу, которую и пустили по бѣлу свѣту. Было рѣшено тѣло похоронить тамъ, гдѣ верблюдица остановится. Долго она ходила; наконецъ прибыла въ Мазаръ-

о русскихъ порядкахъ и русской правдѣ, о человѣчномъ отношеніи къ покореннымъ народамъ, узбеки не только не питаютъ къ намъ никакого страха, но желаютъ насъ. Я видѣлъ это въ восторженномъ пріемѣ, который мнѣ повсюду выказывали узбеки; я слышалъ это изъ множества устъ людей, ухитрявшихся пробираться ко мнѣ сквозь стражу. Меня спрашивали: „Скоро ли придутъ русскіе? Когда бы поскорѣе Богъ избавилъ насъ отъ этихъ афгановъ! Неужели не теперь, не сейчасъ, придутъ русскіе? Неужели за вами не идутъ войска?“ Афганцамъ хорошо извѣстно настроеніе покоренныхъ и они крайне ревниво относятся ко всѣмъ людямъ, приходящимъ изъ русскаго Туркестана. Теперь понятно, почему имъ было непріятно мое прибытіе въ ихъ страну; почему они, подъ предлогомъ, что меня могутъ убить, держали подъ стражею; почему они пресѣкли (такъ имъ, впрочемъ, казалось) всякое сообщеніе мое съ народомъ, почему, во время слѣдованія моего по Туркестану они старались обходить населенныя мѣста; почему губернаторъ Меймене требовалъ, чтобы я въѣхалъ въ городъ непремѣнно ночью; почему сами узбеки были убѣждены, что чрезъ Туркестанъ меня не пустятъ, а поведутъ чрезъ Кабулъ; почему, наконецъ, они старались переманить къ себѣ на службу

и-Шерифъ и здѣсь сдохла. Али предали землѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ верблюдица пала. Персіяне оспариваютъ эту легенду и твердо вѣрятъ, что Али похороненъ въ Кербеле.

Мустафу, безъ котораго я не въ состояніи былъ бы продолжать путешествіе. Яръ-Магометъ разсказывалъ мнѣ, что въ то время, когда наше посольство было въ Кабулѣ, Хошъ-Диль-ханъ, заподозривъ двухъ русскихъ узбековъ въ шпіонствѣ, засадилъ ихъ въ тюрьму и подвергнулъ пыткѣ—сѣченію и сдавливанію головы *). Эти люди не были выпущены изъ тюрьмы еще и въ то время, когда я проживалъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ.

Узбекъ считаетъ себя правовѣрнѣе афганца. Какъ на видимое доказательство благословенія божьяго къ его соплеменникамъ, онъ указываетъ на многочисленныя могилы святыхъ, повсюду встрѣчаемыя въ Туркестанѣ. Онъ спрашиваетъ афганца: пусть тотъ укажетъ, много ли изъ его племени людей угодили Богу и сдѣлались святыми. Онъ упрекаетъ его въ томъ, что будучи суннитомъ, за неимѣніемъ своихъ святыхъ, ходитъ на поклоненіе въ шіитскій городъ Мешхедъ. Афганецъ отвѣчаетъ только бранью **).

*) Сдавливаніе головы производится слѣдующимъ образомъ. Берется сшитый, т. е. сомкнутый ремень, къ которому съ внутренней стороны прикрѣплены двѣ палочки. Ремень надѣвается на голову такимъ образомъ, чтобы палочки упирались въ виски, затѣмъ начинаютъ его скручивать; палочки вдавливаются въ виски и производитъ страшную боль. При дознаніяхъ употребляютъ еще другой родъ пытки—подъ ногти забиваютъ расколотыя камышинки. Узбеки говорили мнѣ, что безъ пытки никакъ нельзя обойдтись, что она хорошо дѣйствуетъ на воровъ и мошенниковъ.

**) Интересный сборъ объ этомъ, продолжавшійся цѣлый переходъ между Кален-Нау и Кушкомъ, я самъ слышалъ.

Постоянно опасаясь возвращенія Абдурахманъ-хана и неизбѣжнаго съ нимъ возстанія узбековъ, афганцы держали въ Туркестанѣ третью часть своихъ вооруженныхъ силъ. Не смотря на опасность, грозившую Афганистану со стороны Индіи въ концѣ 1878 года, правительство Ширъ-Али-хана рѣшилось выдѣлить изъ Туркестана на восточную границу только шесть батальоновъ, которые тотчасъ же были замѣщены 1,000 хазадаровъ. За выдѣленіемъ ихъ, въ Туркестанѣ (кромѣ Кундуза и Бадахшана) оставалось 12 батальоновъ и 12 полковъ кавалеріи, при 30—40 полевыхъ и горныхъ орудіяхъ.

Если только справедливъ слухъ, что въ настоящее время всѣ афганскія войска выведены изъ Туркестана на индійскую границу, то это равносильно потерѣ Туркестана, такъ какъ Баміанскій путь, соединяющій Кабулъ съ Мазаръ-и-Шерифомъ, закрывается въ теченіи пяти зимнихъ мѣсяцевъ, а путь изъ Герата на сѣверный склонъ Паропамиза вообще весьма затруднителенъ, даже скажу недоступенъ, для большой массы войскъ.

III.

Перехожу къ описанію аудіенціи у луинаиба 8-го октября.

По обычаю, существующему въ средней Азіи, я освѣдомился о здоровьѣ эмира Ширъ-Али-хана; но, къ удивленію своему, не получилъ встрѣчныхъ вопросовъ о здоровьѣ Государя Императора и туркестанскаго генералъ-губернатора. Въ Бухарѣ, въ какое бы глухое мѣсто ни пріѣхали, какой бы незначительный чиновникъ васъ ни встрѣтилъ, вы непремѣнно получите вопросы о здоровьѣ Его Императорскаго Величества и генерала Кауфмана; вамъ непремѣнно скажутъ, что „ики даулетъ — биръ даулетъ“, т. е. два государства (Россія и Бухара) составляютъ одно государство.

Хотя я зналъ, что безъ разрѣшенія Ширъ-Али-хана меня не пустятъ въ Гератъ, однакожъ рѣшилъ попытаться, не пуститъ ли меня самъ Хошъ-Диль-ханъ, о которомъ генералъ Столѣтовъ привезъ самые

лестные отзывы. Я прямо заявилъ луинаибу, что желаю какъ можно скорѣе тронуться въ путь, такъ какъ наступаетъ зима, а мнѣ далеко ѣхать, въ особенности пугаетъ предстоящій переходъ чрезъ Паропамизъ *). Луинаибъ отвѣтилъ, что безъ разрѣшенія эмира онъ не можетъ меня пустить въ Гератъ.

— Когда же можно ожидать этого разрѣшенія? спросилъ я.

— Въ лѣтнее время, отвѣчалъ онъ, наши чапары ходятъ въ Кабулъ и обратно въ шесть дней. Теперь въ горахъ, по кабульской дорогѣ, выпалъ большой снѣгъ и потому доставка депешъ должна замедлиться.

— Однакожъ, чрезъ сколько времени можно надѣяться получить отвѣтъ изъ Кабула при настоящемъ состояніи пути?

— Чрезъ восемь, десять, двѣнадцать даже четырнадцать дней.

— И столько времени мнѣ придется ждать здѣсь, въ Мазаръ-и-Шерифѣ?

— Да.

— Конечно, я могу свободно ходить по городу и окрестностямъ его, во время этого ожиданія?

— Нѣтъ; я не могу вамъ позволить выходить изъ вашей квартиры.

— Почему?

— Потому что боюсь за вашу безопасность. Вы

*) Въ Самаркандѣ мнѣ передавали, что перевалы чрезъ Паропамизъ покрываются снѣгомъ уже въ концѣ августа.

не знаете нашего народа; онъ дикій, необузданный, того и гляди, что васъ убьютъ. Представить себѣ не можете, сколько вы принесли мнѣ безпокойства вашимъ пріѣздомъ; теперь я не могу спокойно спать, зная, что вы здѣсь, въ гостяхъ у эмира и что съ вами можетъ случиться что нибудь недоброе. А тутъ еще новое извѣстіе: другой офицеръ *) ѣдетъ въ Бадахшанъ. Я просто не знаю что и дѣлать.

— Если я принесъ вамъ столько безпокойства, то, самое лучшее, я уѣду на бухарскій берегъ и тамъ буду ждать разрѣшенія Ширъ-Али-хана. Затѣмъ, если это разрѣшеніе послѣдуетъ, то опять-таки, чтобы не быть вамъ въ тягость, я заранѣе отказываюсь отъ всякой съ вашей стороны помощи и прошу меня не считать гостемъ эмира. Считайте меня такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ и всякаго русскаго подданнаго, появляющагося, по своимъ дѣламъ, въ вашу страну. Я найдусь, какъ проѣхать; если я рѣшился проѣхать въ Гератъ, то проѣду и безъ вашей помощи.

— Теперь я не могу васъ выпустить и на бухарскую сторону. А что будетъ дальше, самъ не знаю: это зависитъ отъ эмира.

— Почему вы не можете отпустить меня на бухарскую сторону?

— Потому что васъ никто не просилъ сюда пріѣзжать.

Признаюсь, этотъ отказъ и этотъ оригинальный

*) Полковникъ Матвѣевъ.

мотивъ къ отказу до того меня поразили, что нѣсколько времени я не нашелся что отвѣчать. Прежде всего мнѣ пришло въ голову, что я плѣнникъ и что надо бѣжать.

— Значитъ, я вашъ плѣнникъ, сказалъ я, значитъ, я не ошибался, говоря вашему ишагасы, что онъ хочетъ показать народу, какой трофей добылъ онъ. Вы говорите, что я вашъ гость, а держите меня взаперти; такъ нигдѣ не обращаются съ гостемъ. Странная у васъ манера насильно удерживать гостей. Ваши люди въ нашей землѣ ходятъ куда хотятъ и дѣлаютъ что хотятъ. Наши государи находятся между собою въ дружбѣ; нашъ посланникъ находится въ Кабулѣ, а вашъ въ Ташкентѣ; меня же вы держите подъ арестомъ. Правда, меня никто не просилъ сюда пріѣзжать, но я отъ васъ и не требую невозможнаго — пустить меня впередъ; я прошу позволенія переѣхать на бухарскую землю.

— У васъ свой законъ, у насъ свой.

— Я буду писать генералу Кауфману. Надѣюсь, письмо дойдетъ по назначенію.

— Письмо будетъ отправлено.

Затѣмъ я всталъ, чтобъ откланяться. Луинаибъ проситъ посидѣть. „Развѣ вамъ скучно со мной?“ сказалъ онъ. Я принялъ эти слова за насмѣшку и замѣтилъ, что въ моемъ положеніи стыдно ему надо мной смѣяться. Луинаибъ сконфузился; сталъ оправдываться, что слова его я не такъ понялъ; онъ полагалъ, что мнѣ лучше сидѣть здѣсь, на людяхъ,

чѣмъ одному въ своей квартирѣ; что скучать не слѣдуетъ; что онъ сегодня же пошлетъ нарочнаго въ Кабулъ и если я имѣю написать что нибудь нашему посланнику, то письмо мое съ этимъ же нарочнымъ будетъ отправлено. Спросилъ, гдѣ служу, въ какихъ былъ походахъ и за что получилъ ордена и медали. Потомъ перешли къ разговору о войскахъ. Луинаибъ высказалъ, что афганскую армію нельзя сравнивать съ русскою, такъ какъ первая существуетъ лишь 3 года, а послѣдняя 200 лѣтъ, но что они стараются приблизиться къ европейскимъ образцамъ и подъ руководствомъ эмира переведенъ англійскій строевой уставъ. Я попросилъ луинаиба показать мнѣ ученье караульной роты. Онъ тотчасъ отдалъ приказаніе, и рота начала продѣлывать ружейные пріемы, въ числѣ которыхъ видную роль занимали пріемы, существовавшіе въ нашей арміи лѣтъ двадцать пять тому назадъ, какъ-то: „къ осмотру ружей“, „отъ дождя“, „на погребеніе“ и фехтовальные пріемы, очень красивые, съ поднятіемъ ружей надъ головою, съ ударами прикладомъ и пр. Команды произносятся на афганскомъ языкѣ; до перевода воинскаго устава команды были англійскія. У афганцевъ существуетъ три рода шага: тихій, обыкновенный человѣческій и скорый. Рота проходила предъ нами всѣми родами движеній. „Что еще они знаютъ у васъ“? спросилъ я луинаиба. — „Ломку фронта, но здѣсь ее нельзя вамъ показать по недостатку мѣста; больше ничего“.

Не смотря на свою представительную наружность, парадеры напомнили мнѣ опереточныхъ солдатъ; такъ не шелъ къ нимъ европейскій мундиръ, такъ они были неловки въ строю. Несчастье арміи Ширъ-Али, независимо отъ того, что ею командовали офицеры изъ персіянъ, состоитъ въ томъ, что этотъ государь ввелъ въ ней англійскій уставъ. Англичане должны были радоваться этому. Дѣло въ томъ, что Ширъ-Али примѣнилъ строевые уставы англійской арміи къ своей самымъ педантичнымъ образомъ, нисколько не принимая въ соображеніе ни характера, ни особенностей афганца. Свободнаго горца влили въ ту форму, какая годна для англійскаго солдата, но совершенно непригодна для него. И вышло, что молодецъ афганецъ преобразился въ каррикатурный образъ негоднаго англійскаго солдата. Ловкаго горца, способнаго къ одиночнымъ дѣйствіямъ, сковали по рукамъ и по ногамъ, поставивъ въ деревянный строй и лишивъ его возможности выказать свои способности въ этого рода дѣйствіяхъ. Уставъ выучили, но не поняли его духа. Азіятца поражаетъ въ англійской арміи сомкнутость и стройность. И вотъ афганцы исключительно налегли на это.

Извѣстно, что войска на войнѣ продѣлываютъ то, чему были выучены въ мирное время. Афганскія войска въ этомъ смыслѣ не исключеніе; оттого ихъ и бить легко; это не ополченіе, съ которымъ англичане борятся уже полгода.

Послѣ смотра я откланялся луинаибу и пошелъ

на свою квартиру въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ шелъ и во дворецъ.

Придя домой, я написалъ письмо генералу Разгонову, въ Кабулъ, прося его выхлопотать какъ можно скорѣе разрѣшеніе Ширъ-Али-хана на пропускъ меня въ Гератъ. Передавъ письмо Яръ-Магомету *), для отсылки къ луинанбу, я созвалъ своихъ людей и передалъ имъ свой разговоръ съ Хошъ-Диль-ханомъ. Конюхъ Ибрагимъ предложилъ свои услуги доставить письмо въ Самаркандъ; но я сказалъ ему на это: если бѣжать, такъ бѣжать всѣмъ, ибо бѣгство одного ухудшитъ положеніе насъ, остающихся на мѣстѣ; пока подождемъ, посмотримъ, примутъ ли мое письмо къ генералу Кауфману.

На другой день, 9-го октября, Магометъ-Мусинъ-ханъ пришелъ рано утромъ и отъ имени луинанба попросилъ мой мундиръ, покрой котораго понравился Хошъ-Диль-хану и онъ выразилъ желаніе сшить себѣ такой же **). Мундиръ былъ отданъ и на слѣдующій день возвращенъ.

9-го и 10-го октября я писалъ донесеніе генералу Кауфману. 11-го утромъ, по обыкновенію, пришелъ Магометъ-Мусинъ-ханъ. Я подаю ему письмо и прошу отправить его въ Самаркандъ. Онъ не прини-

*) Чтобы письмо скорѣе дошло по назначенію, его по афганскому обычаю не передаютъ изъ рукъ въ руки, а бросаютъ на землю и уже съ земли поднимаетъ его посыльный.

**) Ужъ не этотъ ли мундиръ попался англичанамъ въ Кабулѣ и надѣлалъ имъ столько тревоги?

Библиотека ... В. Я. Дехин

маетъ. Почему? Потому что лунпаибъ не можетъ посылать мои письма съ особымъ курьеромъ; придется ждать, когда будетъ получена почта изъ Кабула; тогда и мое письмо отправятъ. Это меня взорвало. Я окончательно сталъ убѣждаться, что я плѣнникъ, что мнѣ отказываютъ въ возможности дать знать о себѣ въ Самаркандъ. Въ этомъ убѣжденіи меня утверждало еще то обстоятельство, что послѣ аудіенціи 8-го октября, караулъ при моей квартирѣ былъ усиленъ пятью человѣками; что въ ночь съ 8-го на 9-е, на дворѣ, у моихъ комнатъ, появился часовой; что въ ночь съ 9-го на 10-е, кромѣ этого часового, былъ поставленъ новый постъ и что Яръ-Магометъ сталъ спать въ моей комнатѣ у дверей. Независимо этого, чтобъ сдѣлать меня совершенно беззащитнымъ, Магометъ-Мусинъ-ханъ наканунѣ переманивалъ моего переводчика Мустафу на афганскую службу, предлагая ему большое жалованье и почетную службу во дворцѣ эмира Ширъ-Али-хана. Я далъ волю своему гнѣву: упрекалъ афганцевъ во лжи, недобросовѣстности, измѣнѣ; я найду дорогу къ Ширъ-Али-хану; навѣрно онъ не одобритъ принятыхъ Хошъ-Диль-ханомъ противъ меня мѣръ. Наконецъ я сказалъ Магометъ-Мусинъ-хану, что не желаю его больше видѣть у себя. Покорно, не говоря ни слова, онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Послѣ этой сцены онъ заболѣлъ и нѣсколько дней не показывался.

Я опять созвалъ своихъ людей, очертилъ имъ то

положеніе, въ которомъ мы находимся и спросилъ ихъ мнѣніе. Всѣ отвѣчали, что готовы идти со мною, куда бы я ни приказалъ. На общемъ совѣтѣ рѣшили: ждать отвѣта изъ Кабула самый большой срокъ, т. е. четырнадцать дней, считая его съ 8-го октября, дня отправленія чапара къ эмиру; если къ 22-му октября отвѣта не послѣдуетъ, то это значитъ, что насъ держатъ въ плѣну и въ ночь на 23-е число мы должны выйдти изъ Мазаръ-и-Шерифа, направляясь къ бухарской переправѣ Каркинъ; запастись огнестрѣльнымъ оружіемъ, а если его добыть нельзя, то холоднымъ.

Холодное оружіе (два афганскихъ ножа), было добыто чрезъ кузнеца-узбека, призваннаго мною для ковки лошадей; огнестрѣльное же оружіе онъ не соглашался принести ни за какія деньги. Пришлось раскаяваться, почему не послушалъ опытныхъ людей въ Ташкентѣ, совѣтовавшихъ мнѣ пріобрѣсти самое меньшее двѣ берданки.

Мы стали изучать топографію окружающей мѣстности. Арыкъ, протекавшій чрезъ мой дворъ, выходилъ изъ сосѣдняго двора, отдѣленнаго высокою, сажени въ три, стѣною; для прохода арыка въ этой стѣнѣ было сдѣлано отверстіе, достаточное вполнѣ, чтобы пролѣзть человѣку. На сосѣднемъ дворѣ жило семейство, состоящее изъ мужчины, женщины и двухъ дѣтей. Сосѣдній дворъ выходилъ на улицу и былъ обнесенъ со стороны ея стѣнкою въ сажень высоты. Часовыхъ, выставляемыхъ на ночь у моей

квартиры, можно было обойдти, пройдя насквозь всѣ строенія, до стѣны, у которой было отверстіе. Больше всего насъ смущалъ Яръ-Магометъ, спавшій у двери въ моей комнатѣ. Выбравшись изъ города, мы должны были имѣть направленіе на сѣверозападъ; первый день скрываться въ песчаныхъ барханахъ; ночью идти; если бы удалось набрести на туркменское кочевье, то украсть лошадей и затѣмъ скакать сколько вынесутъ кони.

Утромъ, 13-го октября, Яръ-Магометъ съ сіяющимъ лицомъ сообщилъ мнѣ, что вчера вечеромъ прибылъ чапаръ изъ Кабула и что сегодня отправляется почта въ Бухару; слѣдовательно можетъ быть отправлено и мое письмо въ Самаркандъ, на имя генерала Кауфмана. Хотя письмо я отдалъ, но не надѣялся, чтобы оно дошло по назначенію; я полагалъ, что это все отводъ глазъ.

15-го октября, вечеромъ, луинанбъ пригласилъ меня къ себѣ. Пришелъ Магометъ-Мусинъ-ханъ и мы, въ сопровожденіи хазадаровъ, какъ и въ прошлый разъ, 8-го октября, пошли во дворецъ. Пріемъ происходилъ въ саду, на площадкѣ, покрытой коврами и уставленной креслами. Рота пѣхоты, какъ и при первомъ пріемѣ, стояла перпендикулярно къ дворцу. Луинанбъ былъ одѣтъ въ черный мундиръ нашего покроя, съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ, по образцу шитья на моемъ мундирѣ, бѣлые штаны, сѣрую мерлушковую шапку на манеръ афганской каски, лакированные сапоги и бѣлыя нитяныя пер-

чатки. На аудіенціи присутствовали: Магометъ-Мусинъ-ханъ, мирза низамъ и какой-то старшина изъ племени гезаре-барбари, живущаго въ горахъ по кабульской дорогѣ. При моемъ приближеніи луинаибъ всталъ и привѣтствовалъ меня пожатіемъ руки. Онъ слышалъ, что я скучаю и потому пригласилъ меня, чтобы хотя сколько нибудь развлечь. Не желаю ли я послушать афганской музыки? Ее, конечно, нельзя сравнивать съ русскою музыкою и ему, луинаибу, совѣстно предлагать мнѣ такое развлеченіе, но лучшаго онъ ничего не можетъ предложить. Отвѣчаю: я давно хотѣлъ послушать афганскую музыку вблизи; издали ее слушаю каждый день, но до меня неясно доходятъ звуки. Луинаибъ отдалъ приказаніе и въ садъ вошелъ хоръ музыкантовъ. Хоръ этотъ составляли: турецкій барабанъ, шесть малыхъ барабановъ, пять флейтъ, три горна, двѣ зурны, одинъ бубенъ, одинъ треугольникъ и однѣ ложки. Музыканты были одѣты въ красные мундиры и каски, безъ оружія; учитель былъ въ черномъ сюртукѣ и шляпѣ съ широкими полями. Первую пьесу, которую съиграли музыканты, луинаибъ назвалъ селямомъ, т. е. привѣтствіемъ въ честь меня. Я поблагодарилъ. Затѣмъ они играли послѣдовательно тихій, обыкновенный и скорый марши, во время которыхъ, по просьбѣ моей, рота маршировала. Затѣмъ луинаибъ сообщилъ мнѣ, что музыканты больше ничего не знаютъ, что музыка сформирована недавно и что музыканты учатся по нотамъ.

Играли согласно и фальши не было слышно. Потомъ луинаибъ разспрашивалъ о Ташкентѣ, Самаркандѣ, Петербургѣ, о прошлой войнѣ. По поводу предстоящаго столкновенія съ англичанами луинаибъ замѣтилъ, что афганцы одни справятся съ ними и возвратятъ себѣ не только Пешаверъ, но и Кашмиръ. На вопросъ: „приметъ ли Ширъ-Али-ханъ въ Кабулъ англійское посольство?“, луинаибъ отвѣчалъ: „нѣтъ, ни за что, никогда!“

Луинаибъ спросилъ, не нужно ли мнѣ чего, доволенъ ли я содержаніемъ. Я попросилъ дозволить моимъ людямъ сходить въ мазаръ помолиться, но получилъ отказъ. Почему? вѣдь мои люди одѣты въ мусульманское платье, и если мнѣ угрожаютъ опасности, такъ какъ я въ русской формѣ, то имъ ничего подобнаго не грозитъ, у нихъ на лбу не написано, что они русскіе и пришли со мною. Отвѣтъ: нельзя.

Эта аудіенція продолжалась около часу и немного разсѣяла меня.

Томительно тянулись дни сидѣнія нашего въ Мазаръ-и-Шерифѣ. Разсчитывая на безостановочное путешествіе и желая имѣть какъ можно легкіе вьюки, я не взялъ съ собою ни одной книги. Отъ нечего дѣлать перечиталъ всѣ старыя газеты, въ которыя были обернуты нѣкоторыя вещи. Часто брался за лопату и чистилъ арыкъ. Каждое утро заметалъ ненавистные мнѣ слѣды часовыхъ на пескѣ, ходившихъ ночью около моей квартиры. Магометъ-Мусинъ-ханъ не показывался. Я радъ былъ, что не

вижу физіономіи моего тюремщика. Узнавъ изъ разговоровъ съ Яръ-Магометомъ, что въ Мазаръ-и-Шерифѣ есть публичныя танцовщицы, я просилъ, съ разрѣшенія луинаиба, привести ихъ ко мнѣ. Послѣдовалъ отвѣтъ, что онѣ уѣхали на свадьбу въ Ташъ-Курганъ. На просьбу привести заклинателя змѣй, послѣдовалъ отвѣтъ, что въ настоящую пору года онѣ уже спятъ. Приходилось удовольствоваться сказками, которыя поочередно разсказывали мои люди. Назиръ Али-Риза держалъ себя далеко отъ меня, будучи сердитъ за жалобу, принесенную мною Магометъ-Мусинъ-хану. Кормили меня и моихъ людей хорошо.

18-го октября Ибрагимъ, по обыкновенію приходившій съ докладомъ о состояніи лошадей, замѣтилъ, что сегодня лошади какъ-то особенно бодры, играютъ, должно быть чуютъ походъ. 19-го, утромъ, на обычный вопросъ Яръ-Магомету: не прибылъ ли нарочный изъ Кабула? получилъ отвѣтъ: не прибылъ. Но въ полдень приходитъ Магометъ-Мусинъ-ханъ и ровнымъ голосомъ, какъ будто говоритъ самую обыкновенную вещь, передаетъ мнѣ, что сейчасъ только прибылъ курьеръ изъ Кабула, привезъ столь желанное мнѣ разрѣшеніе Ширъ-Али-хана и что я сегодня же долженъ выѣхать въ четыре часа пополудни. Затѣмъ Магометъ-Мусинъ-ханъ удалился, обѣщаясь зайти еще разъ и сообщить о распоряженіяхъ, которыя будутъ сдѣланы Хошъ-Диль-ханомъ относительно моего путешествія. Черезъ часъ онъ

вернулся и сказалъ, что я самый почетный гость эмира, что меня велѣно беречь какъ зеницу ока, для чего мнѣ будетъ данъ конвой; всѣ путевые расходы эмиръ принимаетъ на свой счетъ; до самаго Герата меня будетъ сопровождать джамадаръ (поручикъ) Миръ-Али-ханъ, который снабженъ необходимыми суммами и на котораго возлагается попеченіе о довольствіи меня, моихъ людей и лошадей; до Меймене меня будутъ конвоировать 40 кавалеристовъ, а отъ Меймене, гдѣ большая опасность со стороны туркменъ, конвой будетъ увеличенъ до 300 человѣкъ; во вниманіе къ моему чину при конвоѣ будетъ постоянно находиться аджютанъ (подполковникъ, помощникъ командира полка). Онъ, Магометъ-Мусинъ-ханъ, объ одномъ только меня проситъ: слушаться начальника конвоя, такъ какъ, что онъ ни сдѣлаетъ, будетъ клониться къ моей безопасности и моему благополучію. Я обѣщалъ слушаться, если распоряженія начальника конвоя будутъ основаны на здравомъ смыслѣ, а не клониться только къ стѣсненію меня. Магометъ-Мусинъ-ханъ и самъ бы поѣхалъ со мною, да боленъ; но Миръ-Али-ханъ человѣкъ надежный. Онъ повезетъ письмо луинаиба къ генералъ-губернатору Герата и долженъ отправить его изъ Меймене; по этому письму изъ Герата вышлютъ на встрѣчу мнѣ конвой; но если бы случилось, что конвой не выйдетъ на встрѣчу своевременно, то это обстоятельство во всякомъ случаѣ меня нисколько не задержитъ, такъ какъ конвой,

данный въ Меймене, будетъ провожать меня хотя бы до Герата.

Я выразилъ желаніе предъ отъѣздомъ проститься съ луинаибомъ; но Магометъ-Мусинъ-ханъ сначала отвѣтилъ, что генералъ-губернаторъ боленъ, а потомъ, когда я повторилъ желаніе видѣть его, онъ сказалъ, что Хошъ-Диль-хану некогда, онъ считаетъ деньги. Вѣроятно, я сильно надоѣлъ луинаибу; онъ радъ былъ избавиться отъ меня поскорѣе и не видѣть лишній разъ.

Поблагодаривъ Магометъ-Мусинъ-хана за всѣ его заботы обо мнѣ и вручивъ ему подарокъ и большой запасъ хины, я съ нимъ простился и больше его не видѣлъ. Вспоминая теперь про этого человѣка, я примиряюсь съ нимъ: онъ былъ вѣрный слуга своего господина и въ точности исполнялъ его приказанія.

Около четырехъ часовъ пополудни прибылъ назначенный сопровождать меня до Шибирхана аджютанъ кавалерійскаго полка Абасси, Ахмедъ-Али-Аддижанъ, и доложилъ, что конвой готовъ и ожидаетъ меня у воротъ.

Простившись со слугами и одаривъ ихъ деньгами, я вышелъ со двора, и здѣсь только въ первый разъ, послѣ 7-го октября увидѣлъ своихъ лошадей. Али-Риза таки не вытерпѣлъ: пожелалъ мнѣ поскорѣе вернуться въ Мазаръ-и-Шерифъ.

Сѣвъ на лошадь во дворѣ, я выѣхалъ на улицу, вдоль которой былъ выстроенъ конвой. Конвой этотъ

состоялъ изъ двухъ джамадаровъ, четырехъ дафадаровъ и сорока рядовыхъ.

Афганскій кавалерійскій полкъ состоитъ изъ четырехъ сотенъ. Какъ рѣдкое исключеніе, есть и шестисотенные полки. Въ сотнѣ сто коней. На каждыхъ десять рядовыхъ полагается одинъ дафадаръ, у котораго, кромѣ карабина и сабли, есть еще пика, длиною въ одну сажень, съ флюгеромъ. Рядовые вооружены гладкоствольными карабинами и саблями. Кавалерія строится въ одну шеренгу, всадникъ отъ всадника на шагъ разстоянія. Дафадаръ становится на правомъ флангѣ своего десятка; Офицеры предъ фронтомъ. Всѣ посажены на хорошихъ лошадяхъ, частью карабаирахъ, частью катаганахъ*); туркменскіе кони попадаются рѣдко, такъ какъ они очень дороги. Лошадей кутаютъ въ тяжелыя войлочныя или ковровыя попоны. Лошади есть собственность солдатъ. При потерѣ лошади на службѣ, по причинамъ, независящимъ отъ хозяина, выдается изъ казны четыре тилли (16 рублей), чего недостаточно для пріобрѣтенія хорошей лошади, стоющей десять тиллей. Сѣдла англійскія. Большею частью уздечки, но есть и мундштуки. Металлическій приборъ къ лядункамъ и поясамъ съ англійскими гербами и надписями, въ родѣ: „1-го бенгальскаго полка легкой кавалеріи“, „Боже, спаси королеву“

*) Изъ провинціи Катаганъ, лежащей между р. Хулумомъ (баміанскій путь) и Бадах шаномъ.

и проч. Часто можно встрѣтить пряжки и бляхи къ верху ногами. Металлическій приборъ покупается въ Индіи на казенный счетъ. Сѣдла казенныя. Рядовой кавалеристъ получаетъ 26 рупій (15 руб. 60 к.) въ мѣсяцъ. На эти деньги онъ обязанъ кормить себя и свою лошадь и одѣваться. Во время войны, или при передвиженіи въ такія мѣста, гдѣ трудно найдти продовольствіе, таковое перевозится на казенный счетъ къ мѣстамъ стоянокъ войскъ и продается имъ по казеннымъ заготовительнымъ цѣнамъ. На каждыхъ двухъ кавалеристовъ полагается одна вьючная лошадь (ябу). Такимъ образомъ въ четырехсотенномъ полку двѣсти ябу. При каждомъ ябу находится одинъ нестроевой. Всего въ четырехсотенномъ полку состоитъ 600 лошадей и 600 людей.

Отношенія между солдатами и офицерами напоминаютъ такія же отношенія, существующія въ турецкой арміи. Если афганскій офицеръ пьетъ чай, то нѣсколько солдатъ подсядутъ къ нему; если онъ куритъ кальянъ, то всѣ солдаты соберутся около него и ждутъ очереди; кальянъ, обойдя солдатъ, опять переходитъ къ офицеру; если солдатъ закуритъ трубку, то офицеръ попроситъ покурить; офицеръ вынетъ табакерку, чтобъ положить себѣ щепотку табаку подъ языкъ, нѣсколько солдатскихъ пальцевъ тянутся къ той же табакеркѣ, и наоборотъ: если солдатъ вынетъ свою табакерку, то къ ней тянется офицеръ и пр. Я встрѣтилъ только одного офицера, который держалъ себя далеко отъ солдатъ. Это ад-

жютанъ змѣинаго полка, Гамидъ-ханъ, по происхожденію сеидъ, т. е. потомокъ пророка. Но здѣсь вѣроятно игралъ роль не столько его чинъ аджютана (аджютанъ Ахмедъ-Али-Аддижанъ держитъ себя на равной ногѣ съ солдатами), сколько его происхожденіе. Товарищескія отношенія между начальниками и подчиненными, сколько можно было замѣтить, не вредятъ службѣ: солдатъ безпрекословно повинуется офицеру и также безпрекословно переноситъ его побои. Побои впрочемъ случаются рѣдко. За все время я видѣлъ только два случая, оба за воровство сѣна у моихъ лошадей. Искъ противъ воришекъ затѣвалъ Миръ-Али-ханъ.

IV.

Нашихъ лошадей, такъ долго застоявшихся въ Мазаръ-и-Шерифѣ, насилу можно было сдерживать. Мы двигались южнѣе Тохтапула и Ширабада, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи *), прошли кишлакъ Дидаади и остановились на ночлегъ въ степи, у равалинъ рабата **), на арыкѣ, выведенномъ изъ Ширабада, чрезъ Дидаади и далѣе, когда уже наступила ночь. Здѣсь, на ночлегѣ, я былъ пораженъ тѣмъ вниманіемъ и тою предусмотрительностью, которыя выказалъ Магометъ-Мусинъ-ханъ, при снаряженіи меня въ походъ. Вопервыхъ, кромѣ джамадара Миръ-Али-хана, при мнѣ назначены были со-

*) Отъ Тохтапула въ двухъ верстахъ, а отъ Ширабада въ одной верстѣ.

**) Рабатъ—заѣзжій домъ. Рабаты строятся ради спасенія души. Большая часть рабатовъ въ Туркестанѣ построена бухарскимъ ханомъ Абдуллою, жившимъ въ XVI вѣкѣ. Говорятъ, что онъ выстроилъ тысячу одинъ рабатъ.

стоять: два повара, одинъ нѣчто въ родѣ судомойки и одинъ конюхъ. Вовторыхъ, для меня везли: двѣ палатки *), шубу, походную кухню, ковры, паласы, умывальникъ, огромной величины и вѣса подсвѣчникъ, сальныя свѣчи, чайники металлическій **) и фаянсовый, чашки и пр. Все это поднималось на трехъ ябу. На случай, еслибы мои вьючныя лошади отказались служить, двое казенныхъ ябу велись въ поводу.

На первомъ же ночлегѣ я сразу почувствовалъ, что дѣйствительно состою почетнымъ гостемъ эмира Ширъ-Али-хана и что всѣ старанія сопровождающихъ меня лицъ клонятся къ тому, чтобы мнѣ только было хорошо и спокойно. Поминутно, то джамадаръ Миръ-Али-ханъ, то аджютанъ Ахмедъ-Али-Аддижанъ, забѣгали въ мою палатку съ вопросами: не надо ли мнѣ чего нибудь, хорошо ли мнѣ и пр. Конвойные солдаты не отставали въ усердіи отъ своихъ начальниковъ услужить не только мнѣ, но и моимъ людямъ. Мустафу стали звать не просто Мустафа, а Мустафа-ханъ. Куда дѣвалась та нетерпимость, которую солдаты не скрывали во время движенія моего отъ Патта-Кисара до Мазаръ-и-Шерифа. Чубукъ перестали вынимать изъ кальяна, когда мои люди хотѣли покурить; не только можно было прикасаться къ афганскимъ кувшинамъ, но солдаты даже пили чай изъ моихъ стакановъ. Должно

*) У меня была своя палатка.

**) Въ формѣ кувшина.

быть строгій послѣдовалъ приказъ изъ Кабула луи-наибу, а этотъ еще строже наказалъ угождать мнѣ и беречь меня. Даже лошади мои испытали на себѣ силу этого приказа: вмѣсто соломы имъ стали отпускать одинъ клеверъ. Это до того избаловало моихъ людей, что они постоянно требовали клеверъ, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ его нельзя было достать ни за какія деньги, и чрезъ это у нихъ выходили пререканія съ Миръ-Али-ханомъ, который приходилъ жаловаться. Мои конюхи не стали больше вести вьючныхъ лошадей, а передали поводья афганцамъ; сами же ѣхали по сторонамъ и только покрикивали.

Когда я раздѣвался, чтобы лечь спать, аджютанъ началъ помогать мнѣ снимать сапоги. Я сопротивлялся, но потомъ уступилъ. Надо замѣтить, что аджютану болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду и что при раздѣваніи присутствовалъ его сынъ, служащій рядовымъ въ полку Абасси. Аджютанъ природный афганецъ.

На другой день мы поднялись до восхода солнца. Такъ какъ было извѣстно, что мы найдемъ воду, хотя бы двигались семь-восемь часовъ, то заранѣе и не опредѣлили, гдѣ будемъ ночевать; какъ устанемъ, такъ и заночуемъ.

Дорога совершенно ровная. Слѣва, въ недальнемъ разстояніи отроги Паропамиза, справа арыкъ и обработанныя поля. Въ десяти верстахъ отъ Дидаади дорогу пересѣкаетъ рѣка Балхъ, извѣстная населенію подъ именемъ Банди-барбари. Банди значитъ

запруда *); подъ именемъ же барбари у афганцевъ слывутъ дикіе народы, обитающіе по сѣвернымъ склонамъ Паропамиза и Гиндукуша. Рѣка Балхъ течетъ въ скалистомъ, съ крутыми берегами, оврагѣ, имѣющемъ двадцать саженъ ширины. Чрезъ оврагъ переброшенъ отличный каменный мостъ на трехъ быкахъ, называемый Имамъ-Мухры. Самая рѣка многоводна; имѣетъ пятнадцать саженъ ширины и течетъ однимъ русломъ отъ уровня воды до полотна моста пять саженъ. Отъ моста рѣка течетъ въ сѣверозападномъ направленіи къ городу Балху **), гдѣ устроена плотина и отсюда разводится на арыки. Тотчасъ за рѣкою Балхъ начинаются остатки древней Бактры, которые у дороги тянутся на пять верстъ и далеко, на сколько видитъ глазъ, простираются къ сѣверу и сѣверозападу. Остатки эти состоятъ изъ жженаго кирпича, желтаго и краснаго и кирпича, облитаго глазурью. Ни стѣнъ, ни башенъ не видно. Мѣста построекъ узнаются по буграмъ.

Дорога за рѣкою Балхъ по прежнему совершенно ровная. Ее сопровождаетъ многоводный арыкъ. Она нѣсколько разъ переходитъ съ одной стороны арыка на другую, по исправнымъ мостикамъ. Гдѣ

*) Плотина устроена у города Балха.

**) До 1772 года главнымъ городомъ афганскаго Туркестана былъ Балхъ. Въ этомъ году большая часть населенія его перемерла отъ холеры и потому мѣстопребываніе генералъ-губернатора было перенесено въ Мазаръ-и-Шерифъ, въ которомъ надо считать до 25 т. жителей. Балхъ въ настоящее время ничтожное селеніе, не имѣющее никакого значенія.

не мѣшаютъ остатки Бактры, тамъ поля обработаны. На 18-й верстѣ, недалеко отъ дороги, вправо, небольшой кишлакъ Огонъ-кала. Часто попадаются кочевья узбековъ, племени арабъ, занимающихся хлѣбопашествомъ. При нашемъ приближеніи многіе люди выходили на дорогу. Всякій разъ аджютанъ приказывалъ нѣсколькимъ солдатамъ становиться между мною и жителями и выжидать, пока я не проѣду. На 38-й верстѣ мазаръ Зайналъ-Обединъ-Беймаръ и при немъ рабатъ. Здѣсь похороненъ святой, имя котораго носитъ мазаръ. Онъ родной братъ Имамъ-Ризы, похороненнаго въ Мешхедѣ. Обработанныя поля по обѣ стороны дороги—на сколько глазъ видитъ. Вездѣ обильное орошеніе.

Завидѣвъ мазаръ, аджютанъ просилъ позволенія остановиться у него, чтобъ помолиться. Могила святого находится въ каменномъ зданіи, куполъ котораго уже разрушился. У мечети нѣсколько домиковъ, въ которыхъ живутъ хранители могилы, въ числѣ пяти человѣкъ. Монахи ходятъ почти голые и носятъ длинные волосы. Кругомъ святилища цвѣтникъ и садъ. Шагахъ въ двухстахъ находится рабатъ. Я вошелъ въ святилище какъ былъ, т. е. въ сапогахъ. Никто мнѣ не сказалъ ни слова. Солдаты молились очень усердно; нѣкоторые пришли въ изступленіе: бились головами о гробницу и объ полъ, громко рыдали. Вспомнивъ совѣтъ Мустафы, я поспѣшилъ выйдти на дворъ. Здѣсь подошелъ ко мнѣ одинъ монахъ, родомъ изъ Лагора, и спросилъ, не англи-

чанинъ ли я? Я отвѣтилъ. Оказалось, что о существованіи русскихъ онъ никогда не слышалъ. Затѣмъ онъ началъ интересоваться, много ли денегъ у русскихъ, столько ли, сколько у англичанъ; но конюхъ Ибрагимъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, нашелъ почему-то, что мнѣ неприлично продолжать его и прогналъ монаха. Вообще, находя, что я не съ такимъ достоинствомъ держу себя, какъ бы слѣдовало по его мнѣнію, Ибрагимъ часто мнѣ совѣтовалъ не говорить съ тѣмъ или другимъ человѣкомъ, а въ Нишапурѣ, когда пришли два афганскихъ купца поговорить со мною, то онъ, не спросивъ меня, прямо отвѣтилъ имъ, что я калямъ саинъ (большой господинъ) и потому не могу всякимъ встрѣчнымъ давать аудіенціи.

Когда всѣ помолились, тогда мы сѣли на коней и отправились отыскивать мѣсто для ночлега, которое и нашли въ верстѣ отъ мазара, недалеко отъ туркменскаго кочевья. У самаго же мазара я не хотѣлъ остановиться на ночлегъ, такъ какъ вокругъ него обширное кладбище.

Миръ-Али-ханъ, когда разбили палатки, отправился въ кочевье добыть барана и дровъ. Туркмены не продали ему ни того, ни другого, потому что стада ихъ далеко въ горахъ, а дровъ у нихъ у самихъ нѣтъ, топятъ бурьяномъ. Миръ-Али-ханъ сталъ бить туркменъ. Поднялся шумъ, на который выбѣжали туркменскія женщины съ дрекольемъ и сильно избили джамадара. На его крики о помощи, въ нашемъ

лагерѣ поднялась тревога и аджютанъ приказалъ солдатамъ идти на выручку джамадара. Тѣ съ ружьями бросились на кочевье. Будучи свидѣтелемъ всей этой сцены, я потребовалъ отъ аджютана, чтобы онъ немедленно вернулъ джамадара и своихъ солдатъ. Я объявилъ ему, что если это не будетъ исполнено, то напишу луинаибу, который не похвалитъ его, аджютана, за допущенные безпорядки. Ахмедъ-Али-Аддижанъ сталъ было возражать, что всѣ они стараются для меня; но я ему отвѣтилъ, что подобное стараніе мнѣ не по душѣ и не допущу, чтобы изъ-за меня избивали людей; на сегодняшній день отказываюсь отъ обѣда, сутки не поѣмъ, не умру. Аджютанъ побѣжалъ въ кочевье и выполнилъ какъ я приказывалъ; Миръ-Али-ханъ возвратился въ лагерь, прихрамывая и опираясь на плечо солдата. Я ему сдѣлалъ строгій выговоръ за насиліе, употребленное противъ жителей. Если бы я зналъ, что добываніе пищи для меня будетъ сопровождаться такими насиліями, то отказался бы быть гостемъ его государя. Во всякомъ случаѣ настоящее поведеніе Миръ-Али-хана не пройдетъ ему даромъ; я буду писать луинаибу. Джамадаръ, разбитый и физически, и нравственно, удалился въ свою палатку и пролежалъ въ ней до утра слѣдующаго дня.

Пришлось самому позаботиться объ обѣдѣ. Я отправился въ кочевье; и тѣ самые туркмены, которые ничего не давали джамадару, просили принять отъ нихъ нѣсколько куръ, молока, рису и одно по-

лѣно. Они отказывались принять деньги, говоря, что я—ильчи (посланникъ) Бѣлаго Царя и всегда желанный ихъ гость. Конечно, я настоялъ на томъ, чтобы деньги были приняты.

Вечеромъ пришелъ аджютанъ съ джамадарами и дафадарами просить за Миръ-Али-хана. У палатки собрались солдаты, интересовавшіеся знать, чѣмъ кончится ходатайство о помилованіи джамадара. Я скоро уступилъ и уполномочилъ аджютана передать Миръ-Али-хану прощеніе и забвеніе прошлаго.

21-го октября предстоялъ большой переходъ до селенія Сальмазаръ, находящагося въ трехъ верстахъ къ югу отъ Шибирхана.

Первыя семь верстъ мы двигались по равнинѣ, потомъ поднялись на небольшой отрогъ, покрытый галькою и, спустившись съ него, подошли къ селенію Сальманъ. Здѣсь протекаетъ ручей горькосоленой воды, но для орошенія полей выведены арыки съ прѣсною водою. Селеніе имѣетъ до сорока дворовъ. Жители узбеки занимаются хлѣбопашествомъ. Все селеніе вышло къ намъ навстрѣчу и просило остаться здѣсь ночевать. Поднесли лепешки, арбузы, дыни. Когда я объявилъ, что не могу остаться, то мнѣ подвели барана. Пробывъ около получаса въ Сальманѣ, мы тронулись въ путь. Дорога пересѣкла два небольшіе перевала, и мы вышли въ долину, шириною отъ двухъ до трехъ верстъ, обставленную невысокими горами, съ мягкими очертаніями. По долинѣ шли около двадцати верстъ. Дорога совершенно ровная, гладкая. До-

лина и скаты горъ покрыты высокою травою. За неимѣніемъ воды для орошенія, здѣсь нѣтъ пашенъ.

Намъ то и дѣло попадались сайги. За однимъ стадомъ, бѣжавшимъ на югъ, поскакали четыре солдата. Завидѣвъ погоню, сайги повернули назадъ, на сѣверъ, на нашъ путь. Тогда одинъ джамадаръ и три солдата поскакали имъ на перерѣзъ. Великолѣпный туркменскій жеребецъ джамадара, ступивъ на мышиную нору, провалился и сломалъ себѣ ногу; джамадаръ упалъ съ коня и сильно расшибся. Жеребца тутъ же пристрѣлили. Ѣхавшіе съ джамадаромъ солдаты, не замѣчая несчастія, случившагося съ нимъ, продолжали скакать; стрѣляли въ стадо, но безуспѣшно.

Въ концѣ долины мы поднялись на гору, на склонѣ которой стоитъ одиноко пастушій домъ и устроена запруда для собиранія воды изъ двухъ небольшихъ ручьевъ. Вода солоноватая; ея мало. Для поенія животныхъ устроены каменныя корыта. Подъемъ на гору, до воды, длинный, но отлогій; покрытъ камнями, не затрудняющими движенія. Отъ запруды дорога поворачиваетъ на юго-западъ и въ этомъ направленіи идетъ около версты, сначала поднимаясь на вершину перевала, а затѣмъ спустившись съ него на высокую долину, слегка волнистую, вполнѣ удобную для движенія. По этой долинѣ дорога тянется въ западномъ направленіи, на протяженіи четырнадцати верстъ. Долина покрыта отличною травою и служитъ пастбищемъ стадамъ барановъ кочующихъ вблизи тур-

кменъ. По спускѣ съ этой долины, путь вступаетъ на обширную Шибирханскую равнину, орошаемую рѣкою Сарыпуль. У подошвы спуска течетъ ручей прѣсной воды. Спускъ покрытъ кустарникомъ, равно какъ и берега ручья. По равнинѣ, на протяженіи трехъ верстъ, есть пески, покрытые саксауломъ и гребенщикомъ. Далѣе начинаются поля, изрѣзанныя арыками. Отъ спуска до селенія Сальмазаръ десять верстъ. Дорога совершенно ровная.

Весь переходъ пятьдесять одна верста.

Сальмазаръ—селеніе въ сорокъ дворовъ. Оно расположено по обоимъ берегамъ рѣки Сарыпуль, имѣющей здѣсь восемь саженъ ширины и текущей въ крутыхъ, саженъ въ пять вышиною, берегахъ. Жители—узбеки; живутъ въ кибиткахъ, поставленныхъ внутри дворовъ. Вокругъ Сальмазара много садовъ. Повсюду великое изобиліе воды. Въ Сальмазарѣ есть могила какого-то святого. Въ трехъ верстахъ отъ Сальмазара къ сѣверу лежитъ городъ Шибирханъ.

Мы прибыли въ Сальмазаръ, когда уже солнце садилось. Въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи въ саду, къ приходу моему, была разбита огромная двойная палатка и приготовлены чай, обѣдъ и мягкая постель. Всѣмъ этимъ я обязанъ начальнику Шибирхана, джернелю (генералу) Кадыръ-хану, командовавшему войсками, взявшими четыре года тому назадъ Меймене.

Изъ Сальмазара конвоировавшіе меня солдаты полка Абасси должны было возвратиться въ Мазаръ-

и-Шерифъ, а дальнѣйшее сопровожденіе меня до Меймене возложено было на людей полка Гуссейни, квартирующаго въ Шибирханѣ. Новый конвой, подъ начальствомъ меджира (маіора) *) Гуламъ-Магомета, ожидалъ меня уже въ Сальмазарѣ и, по прибытіи нашемъ сюда, тотчасъ же смѣнилъ старый конвой. По просьбѣ Ахмедъ-Али-Аддижана, я выдалъ ему свидѣтельство въ томъ, что прибылъ благополучно въ Сальмазаръ и всѣмъ доволенъ. Аджютанъ предполагалъ сдѣлать дневку и возвратиться домой не по тому пути, по которому мы шли, а по ровной дорогѣ на Шибирханъ и Акча.

Несмотря на мѣстность, вполнѣ удобную для колеснаго сообщенія, въ Афганскомъ Туркестанѣ арбъ нѣтъ. Только въ послѣднее время, по приказанію луинаиба, сдѣланы четыре образцовыя арбы, которыя и розданы по одной въ каждый изъ четырехъ батальоновъ, расположенныхъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ. Я видѣлъ одну такую арбу на дорогѣ: она запрягается парою быковъ; колеса аршина два въ діаметрѣ; ободъ не гнутый изъ цѣльнаго дерева, какъ у насъ въ Туркестанѣ, а состоитъ изъ косяковъ, скрѣпленныхъ шиною. Мнѣ передавали, что луинаибъ намѣренъ заказать еще нѣсколько такихъ арбъ и раздать ихъ жителямъ.

Изъ Шибирхана въ Меймене существуютъ двѣ

*) Меджиръ исполняетъ въ полку должности адъютанта и казначея.

дороги: одна — по равнинѣ, на Хейрабадъ, и далѣе по рѣкѣ Сангалакъ, а другая — на Сарыпуль и далѣе черезъ горы. Въ прежнее время, когда существовалъ между Шибирханомъ и Хейрабадомъ рабатъ съ цистернами, движеніе всегда происходило по первому пути; но теперь, когда рабатъ развалился, источникъ воды изсякъ и между упомянутыми пунктами образовалось безводное пространство болѣе 80 верстъ, этотъ путь оставленъ и избранъ второй, на Сарыпуль. При покореніи Меймене афганскія войска двигались по второму пути и для провоза своей артиллеріи сносно разработали дорогу черезъ гору.

По свѣдѣніямъ, которыя я получилъ отъ мѣстныхъ жителей, до Сырапуля отъ Сальмазара отъ 35 до 40 верстъ, т. е. одинъ небольшой (для меня) переходъ; но меджиръ Гуламъ-Магометъ просилъ раздѣлить этотъ переходъ на два. Я отказалъ.

Путь 22-го октября. Выйдя изъ Сальмазара, дорога въ полуверстѣ отъ селенія переходитъ на лѣвый берегъ рѣки Сырапуль. Бродъ неглубокій, дно песчаное, во время половодья надо дѣлать обходъ влѣво, чтобъ избѣжать переправы. Мѣстность совершенно ровная, поля обработаны и обильно орошаются водою. Пройдя 17½ верстъ къ развалинамъ Джидайлыка, вступаемъ въ широкую долину, обставленную невысокими горами. Ширина долины отъ полуторы до трехъ верстъ. До Джидайлыка кромѣ двухъ небольшихъ селеній, называемыхъ Каракинъ и расположенныхъ одно по правую сторону рѣки, а другое по лѣвую,

осѣдлыхъ пунктовъ нѣтъ; поля же обработываются узбеками, живущими въ кибиткахъ. Такихъ кочевьевъ по обѣ стороны рѣки попадалось много. Не доходя Джидайлыка, дорога переходитъ на правый берегъ рѣки и идетъ такимъ образомъ до самаго города Сарыпуля. Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Джидайлыка находится небольшое селеніе, дворовъ около десяти, Хозретъ-Имамъ, съ гробницею святого, а въ пяти верстахъ отъ этого селенія большое селеніе Сендъ-Абадъ (сто дворовъ), расположенное на правомъ берегу рѣки, на высокомъ холмѣ. Отъ Сендъ-Абада внизъ рѣка Сарыпуль, раздѣлившись на два русла, течетъ въ крутыхъ берегахъ. Говоря о двукратной переправѣ черезъ рѣку, я разумѣлъ переправу черезъ правое русло ея. Отъ города Сарыпуля до Сендъ-Абада рѣка течетъ однимъ русломъ въ пологихъ берегахъ и сильно разливается весною. Низкія затопляемыя мѣста поросли густымъ камышомъ. У Сендъ-Абада дорога поднимается на возвышенность, на которой стоитъ это селеніе, пересѣкаетъ часть его, переходитъ по мосту чрезъ широкій арыкъ и тянется по полугорѣ на протяженіи двухъ верстъ. Далѣе дорога спускается на дно долины, по которому идетъ до самаго города. На 31-й верстѣ на дорогѣ стоитъ Калъ-Кишлакъ. а въ сторонѣ отъ нея, вправо, кишлаки Куръ и Басюдъ, а влѣво, у подошвы горъ, Калако. На 37-й верстѣ начинаются сады Сарыпуля, а на 38-й деревянный мостъ черезъ рѣку въ самомъ городѣ. По всей дорогѣ грунтъ глинистый. Никакого затрудне-

нія при движеніи не встрѣчается. Топлива камышу очень много; онъ же можетъ служить кормомъ для животныхъ.

Долина рѣки Сарыпуль считается весьма вредною по своимъ лихорадкамъ; сартовская болѣзнь распространена въ обширныхъ размѣрахъ. Названія, данныя нѣкоторымъ кишлакамъ, характеризуютъ свойства этой долины. Такъ: Калъ — значитъ паршивый, Куръ—слѣпой, Калако—много паршивыхъ.

V.

Городъ Сарыпуль имѣетъ до трехъ тысячъ жителей. Онъ широко раскинулся по обоимъ берегамъ рѣки, окруженъ обширными садами. Въ центрѣ города небольшая цитадель—балагиссаръ. Жители—узбеки.

Въ день въѣзда моего въ городъ былъ базаръ. Дорога къ моей квартирѣ лежала чрезъ базарную площадь. Все населеніе столпилось на пути и привѣтствовало меня громкими криками. Масса народа провожала меня до квартиры. Для меня отвели самый лучшій домъ, принадлежащій курбашѣ (полиціймейстеру города). Этотъ домъ окруженъ высокою стѣною. Чтобы меня видѣть, многіе жители усѣлись на крыши сосѣднихъ домовъ, а нѣкоторые вскарабкались на стѣну, окружающую мою квартиру. Курбаша хлопоталъ объ обѣдѣ, меджиръ лежалъ въ лихорадкѣ, а Миръ-Али-ханъ ушелъ на базаръ, мѣнять мои бухарскія деньги на краны и рупіи. Мустафа взялся уговорить людей, которые взлѣзли на стѣну,

сойдти съ нея. „Чего вы смотрите; вѣдь онъ (т. е. я) не маймунъ (обезьяна): такой же человѣкъ, какъ и вы сами“, говорилъ онъ сидѣвшимъ на стѣнѣ. Но тѣ продолжали сидѣть. Чтобы удовлетворить любопытству толпы, я вышелъ на улицу. По тѣмъ привѣтствіямъ и кулдукамъ (поклонамъ), которые мнѣ отвѣшивали жители, я пришелъ къ заключенію, что не одно любопытство собрало толпу, но желаніе почтить во мнѣ русскихъ, прихода которыхъ они уже давно ждутъ съ нетерпѣніемъ. До самаго вечера толпа не расходилась. Меджиръ, узнавъ, что я выходилъ на улицу, струсилъ не на шутку. Несмотря на пароксизмъ лихорадки, онъ пришелъ въ мою комнату и очень просилъ, чтобы я больше не выходилъ на улицу.

23-го октября мы продолжали путь. Первыя три версты дорога идетъ по равнинѣ, у подошвы горъ, по берегу небольшой рѣчки Мирза-Ауланъ, впадающей въ рѣку Сарыпуль у самаго города. Затѣмъ мы вступили въ ущелье, обставленное невысокими горами и все слѣдовали по рѣчкѣ; на 10-й верстѣ поднялись на отрогъ на лѣвомъ берегу Мирза-Ауланъ, чтобы не двигаться по узкой тропинкѣ у самой рѣчки. На 13-й верстѣ спускъ къ рѣчкѣ и селеніе Саядъ. Это селеніе растянулось версты на полторы по ущелью. За нимъ слѣдуютъ еще три селенія *). Всѣ они лежатъ на лѣвомъ берегу Мирза-Ауланъ.

*) Куръ, Гуръ и Фурганъ-Теке.

Дорога пролегаетъ по правому берегу этой рѣчки, по отрогу, на высотѣ десяти саженъ надъ водою. Дорога углубленная, разработанная четыре года тому назадъ для слѣдованія войскъ въ Меймене. Ширина дороги въ обрѣзъ равняется ширинѣ хода полевого орудія, такъ что на встрѣчу отряду не можетъ проѣхать и одиночный всадникъ, онъ долженъ спуститься внизъ и слѣдовать по лѣвому берегу рѣчки. Углубленная дорога тянется на двѣ съ половиною версты до селенія Куръ. Отсюда путь спускается къ рѣчкѣ, переходитъ на лѣвый ея берегъ и все время идетъ около нея. За селеніемъ Фурганъ-Теке мягкія очертанія горъ, обрамляющихъ ущелье, переходятъ въ отвѣсныя скалистыя. Входъ въ скалистую часть ущелья замыкается небольшимъ укрѣпленіемъ изъ мѣстнаго камня. Укрѣпленіе это состоитъ изъ стѣнки, поперегъ ущелья. Стѣнка имѣетъ полторы сажени вышины; кладка сухая; бойницы. Стѣнка эта была устроена войсками Меймене противъ афганцевъ. Длина скалистаго ущелья $12^1/_2$ верстъ. По отвѣснымъ скаламъ ростетъ можжевельникъ. Дорога усѣяна галькою и оборвавшимися камнями; то и дѣло что переходитъ съ одного берега рѣчки Мирза-Ауланъ на другой. Кромѣ вышеупомянутой стѣнки у входа въ ущелье, въ полутора верстахъ отъ нея устроена другая стѣна и за нею, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье нѣсколько расширяется, четырехугольный редутъ, тоже каменный. На 30-й верстѣ ущелье кончается, и дорога входитъ въ обширную котловину, со всѣхъ

сторонъ обставленную высокими горами. Въ сторонѣ отъ нашей дороги, верстахъ въ двухъ, на большой высотѣ, расположено селеніе Мирза-Аулангъ. Вся котловина, по которой съ разныхъ сторонъ бѣгутъ ручьи, образующіе рѣчку Мирза-Аулангъ, несмотря на конецъ октября, была покрыта зеленою травою и такимъ образомъ вполнѣ оправдала данное ей названіе: Мирза-Аулангъ значитъ зеленый лугъ мирзы.

Со дна котловины начинается подъемъ на узелъ трехъ хребтовъ, служащій водораздѣломъ бассейновъ рѣкъ Сарыпуля и Сангалака. Подъемъ въ началѣ отлогій, чѣмъ выше, тѣмъ становился круче и круче. Мы должны были поминутно давать отдыхъ лошадямъ. Весь подъемъ на перевалъ четыре версты. Дорога была разработана во время войны съ Меймене. Спускъ съ перевала тоже около четырехъ верстъ. На спускѣ, на сторонѣ, обращенной къ сѣверу, вода замерзла и, не смотря на теплый день, только слегка оттаяла. Поэтому можно судить о высотѣ перевала. По спускѣ съ перевала начинается узкое, съ высокими боками, скалистое ущелье. Бока до того высоки и ущелье такъ узко, что солнечные лучи до дна его не достигаютъ. Отъ этого, не смотря на то, что ущелье лежитъ по крайней мѣрѣ на версту ниже перевала, лужи совсѣмъ промерзли, такъ что лошадь, ступая на нихъ, не проваливалась. Въ одномъ мѣстѣ верхніе края боковъ ущелья сошлись такъ близко, что можно перешагнуть съ одного

бока на другой. Въ настоящее время на дорогѣ лежатъ огромные камни, оторвавшіеся отъ стѣнъ ущелья; они почти совсѣмъ загромождаютъ путь. Вообще путь по этому ущелью, тянущемуся пять верстъ, очень затруднителенъ. По бокамъ ущелья лѣпится можжевельникъ и нѣкоторыя лиственныя породы деревьевъ. По выходѣ изъ ущелья мы вступили въ широкую долину, обставленную высокими горами; начали попадаться обработанныя поля, признакъ, что жилое мѣсто близко. Въ $6^1/_2$ верстахъ отъ конца скалистаго ущелья лежитъ селеніе Курчи.

Весь переходъ 54 версты.

Селеніе Курчи имѣетъ триста дворовъ. Жители—узбеки; живутъ въ кибиткахъ, поставленныхъ внутри дворовъ, но у нѣкоторыхъ есть и дома. Въ селеніи находится бала-гиссаръ (цитадель). Мнѣ отвели помѣщеніе въ одномъ дворѣ, подъ навѣсомъ воротъ, но меджиръ остался недоволенъ этимъ помѣщеніемъ, избилъ старшину и велѣлъ указать квартиру въ бала-гиссарѣ. Жители, повидимому, очень бѣдны: кибитки у нихъ въ дырахъ; сами они ходятъ оборванные; въ цѣломъ селеніи не нашлось ни одного хозяина, который могъ бы продать для насъ необходимые продукты, и Миръ-Али-ханъ ходилъ по дворамъ и собиралъ по ложкѣ масла, по горсти рису, щедро разсыпая побои и приказывая дѣлать то же ходившимъ съ нимъ солдатамъ. Здѣсь, вмѣсто денегъ, Миръ-Али-ханъ выдалъ квитанцію, проставивъ въ ней, на какую сумму забраны продукты. Квитанція будетъ

представлена обществомъ въ казну, въ счетъ слѣдующихъ съ него податей.

24-го октября мы сдѣлали небольшой переходъ въ 32 версты къ селенію Бельчерагъ. Путь идетъ по долинѣ, которая есть продолженіе той, по которой мы шли 23-го числа. Дорога ровная, грунтъ большею частью мягкій. Воды очень много, но лѣсу нѣтъ. Весною долженъ быть хорошій подножный кормъ.

Бельчерагъ стоитъ въ обширной котловинѣ. Въ немъ около триста дворовъ. Жители—узбеки, и подобно тому какъ въ Курчи, живутъ въ кибиткахъ. Они занимаются садоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Мы остановились въ томъ самомъ дворѣ, въ которомъ, четыре года тому назадъ, жилъ Миръ-Али-ханъ съ своимъ взводомъ, охраняя путь сообщенія афганской арміи, осаждавшей Меймене.

25-го октября я назначилъ прибыть въ Меймене.

Почти тотчасъ за Бельчерагомъ дорога вступаетъ въ скалистое ущелье съ отвѣсными боками. При входѣ въ него, на правой сторонѣ, видна пещера, высѣченная въ скалѣ однимъ святымъ. Въ кельѣ святого постоянно горѣлъ свѣтильникъ (черагъ), отъ котораго получило названіе самое селеніе. Конвойные солдаты прикладывались къ стѣнамъ и терли о нихъ свои лбы. Мои люди, за исключеніемъ Мустафы, который плохой мусульманинъ, чтобъ не отставать отъ другихъ, продѣлали то же самое.

Ущелье имѣетъ ширины отъ четверти дополу-версты,

сплошь обработано и покрыто садами, принадлежащими бельчерагскимъ жителямъ. Дорогу все время сопровождаетъ широкая и глубокая рѣчка Бельчерагъ. Чрезъ нее перекинуты три отличныхъ каменныхъ моста. Все ущелье имѣетъ длины 12 верстъ. Дорога расчищена отъ камней и отъ разлива воды ограждена плотинами; вообще видна большая забота о сохраненіи ея въ порядкѣ.

Прослѣдовавъ селеніе Дерече и подойдя къ пѣхотному караулу изъ восьми человѣкъ, выставленному для обезпеченія пути отъ разбойниковъ, мы встрѣтили пятнадцать всадниковъ и двухъ пѣшихъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ, высланныхъ мнѣ на встрѣчу губернаторомъ Меймене, джернелемъ Магометъ-Акберъ-ханомъ *). Офицеръ, прибывшій съ этими солдатами, привѣтствовалъ меня отъ имени губернатора и высказалъ, что на сегодня мнѣ приготовлено помѣщеніе въ Ката-Кала, а вступленіе въ Меймене должно послѣдовать завтра. Я ему отвѣтилъ, что рѣшилъ сегодня же ночевать въ Меймене, куда и поѣду. Тогда офицеръ сказалъ, что въ Ката-Кала высланы палатки, кухня, что обѣдъ уже готовъ. Я отвѣчалъ, что очень благодаренъ губернатору за его вниманіе ко мнѣ; но отъ Бельчерага до Ката-Кала только двадцать верстъ; если буду дѣлать такіе маленькіе переходы, то Богъ знаетъ когда доберусь до Герата. Прошу извинить за причиненное без-

*) Племянникъ лушанба.

покойство; но ночевать буду все-таки въ Меймене. Видя мою настойчивость, офицеръ написалъ донесеніе Магометъ-Акберъ-хану. Верстъ черезъ пять мы подъѣзжаемъ къ Ката-Кала. Офицеръ предлагаетъ мнѣ чаю и закусить. Я отвѣчаю, что не имѣю привычки ѣсть во время движенія. Тогда онъ проситъ позволенія самому напиться чаю и покурить. Я разрѣшаю, но при этомъ прибавляю, что остаюсь здѣсь только на полчаса. Вынулъ часы и замѣтилъ время. Офицеръ послалъ въ Ката-Кала *) за чаемъ и закусками. Но посланный замѣшкался, прошло полчаса, и я предложилъ всѣмъ слѣдовать за собою. Закуску вынесли уже на дорогу, и мои спутники закусили на-лету.

Видя, что пѣшіе солдаты измучились, слѣдуя за нами, я предложилъ офицеру посадить ихъ на заводныхъ лошадей; но тотъ съ гордостью отвѣтилъ, что они никогда не отстаютъ отъ конныхъ. Намъ оставалось до Меймене еще двадцать верстъ. Не желая, чтобы изъ-за меня мучили людей, я прямо предложилъ одному солдату свою заводную лошадь, а другой усѣлся на свободномъ ябу.

Дорога все время идетъ около рѣчки. Мѣстность холмистая; но движеніе вполнѣ удобно. На 34-ой верстѣ чрезъ рѣчку мостъ, отъ Бельчерага счетомъ четвертый. Здѣсь дорога оставляетъ рѣчку и круто поворачиваетъ на западъ, поднимаясь въ горы.

*) До Ката-Кала, расположеннаго въ сторонѣ отъ дороги, было около версты.

У моста офицеръ просилъ подождать отвѣта изъ Меймене. Я отвѣтилъ, что ожидать не намѣренъ и какой бы отвѣтъ ни послѣдовалъ отъ губернатора, буду ночевать въ городѣ.

Подъемъ въ горы очень крутой и трудный; дорога то и дѣло что поднимается на отроги и спускается съ нихъ; такъ три версты. Затѣмъ слѣдуетъ спускъ въ обширную долину Меймене, на которой видно множество селеній и отдѣльныхъ хуторовъ.

Когда мы спустились въ долину, прискакалъ всадникъ съ приказомъ отъ губернатора остановить меня въ первомъ же селеніи и задержать тамъ столько времени, чтобы я вступилъ въ городъ ночью. Офицеръ передалъ мнѣ это приказаніе. Я засмѣялся. „Передайте губернатору, сказалъ я ему, что остановка въ Ката-Кала, на половинѣ пути, еще имѣла хоть какой нибудь смыслъ; остановка же въ селеніи, въ виду города, есть полнѣйшая безсмыслица“.—„Въ городѣ еще не все готово для вашей встрѣчи: губернаторъ хочетъ вывести войска по пути вашего слѣдованія“. Я далъ коню нагайку и поѣхалъ впередъ. Опять поскакалъ гонецъ въ городъ.

Торная, широкая дорога прямо вела въ городъ, по правому берегу рѣки. Меня же повели влѣво, безъ дорогъ, чрезъ поля, арыки и самую рѣку. Я спрашиваю: что это значитъ? почему мы не ѣдемъ прямо, вонъ и городскія ворота видны. Мнѣ отвѣчаютъ, что прямая дорога выведетъ насъ на базаръ,

а губернаторъ не велѣлъ вести меня чрезъ это мѣсто. Скрѣпя сердце покоряюсь. Переѣхавъ въ бродъ чрезъ рѣку, мы подошли къ какому-то мазару, всего въ одной верстѣ отъ города. Офицеръ опять началъ просить меня остаться здѣсь до ночи. Мнѣ наконецъ надоѣло это приставанье до крайности. Я вышелъ изъ себя и говорю ему: „если вы еще разъ заикнетесь съ подобною просьбою, то я за себя не отвѣчаю!“ Наконецъ мы подошли къ городскимъ стѣнамъ, повернули влѣво, обогнули всю южную часть города и тогда только попали въ ворота.

Городъ окруженъ стѣною, сажени въ три вышиною, со рвомъ. Внутри города цитадель, устроенная на искусственной насыпи. Стѣны цитадели имѣютъ четыре сажени высоты. Редюитомъ цитадели служитъ огромная башня, покрытая голубою глазурью. Городъ когда-то имѣлъ до 25,000 жителей; нынѣ онъ лежитъ въ развалинахъ и едва насчитываетъ въ себѣ десятую часть прежняго населенія.

По разсказамъ Миръ-Али-хана, афганцы серьезно готовились къ войнѣ съ Миръ-Гуссейномъ, ханомъ Меймене. Они двинули сюда до 10 тысячъ войска и 20 орудій. Для перевозки этихъ послѣднихъ произведены были большія работы по разработкѣ дороги изъ Сарыпуля. Войска двигались съ двухъ сторонъ: со стороны Мазаръ-и-Шерифа и со стороны Герата*).

*) Со стороны Герата пришло всего 2 батальона и полкъ кавалеріи.

Городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ. На шестомъ мѣсяцѣ осады въ стѣнѣ была пробита брешь, войска пошли на штурмъ и вырѣзали 18 тысячъ защитниковъ; городъ былъ разграбленъ и разрушенъ. Миръ-Гуссейнъ-ханъ, мужественно защищаясь въ цитадели, — взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Кабулъ. Уцѣлѣвшіе при штурмѣ защитники города разбѣжались и до сихъ поръ не возвращаются, изъ страха передъ афганцами. На вопросъ: почему такъ долго стояли афганскія войска подъ городомъ? Миръ-Алиханъ отвѣтилъ, что не было приказа отъ эмира взять его; но лишь только такой приказъ послѣдовалъ, какъ городъ былъ сразу взятъ. Объясненіе это неудовлетворительно. По всей вѣроятности, главнокомандующій осадной арміи Кадыръ-ханъ не рисковалъ штурмовать городъ, не дождавшись подкрѣпленій, которыя двигались изъ Кабула, и не обезпечивъ хорошо свой тылъ, гдѣ находились только-что покоренныя ханства Шибиръ-ханъ и Сарыпуль.

Мнѣ отвели отличное помѣщеніе недалеко отъ цитадели. Тотчасъ по моемъ пріѣздѣ губернаторъ прислалъ мнѣ чаю, сахару, винограду и фунтъ стеариновыхъ свѣчей. Затѣмъ произошла смѣна пришедшаго со мною конвоя людьми изъ гарнизона Меймене. Въ караулъ назначены были люди отъ пѣхоты и кавалеріи. Пѣхотинцы были одѣты въ форменные архалуки и чалмы; кавалеристы же въ парадной формѣ. Карикатурнѣе этихъ послѣднихъ трудно что-либо представить себѣ. Обмундированіе

ихъ чрезвычайно пестрое, сидѣло такъ неловко, что вызывало невольный смѣхъ. Тутъ были и синіе мундиры съ лацканами желтыми, красными и малиновыми; мундиры, долженствовавшіе изображать гусарскую венгерку; наконецъ, черные мундиры съ бѣлыми воротниками, погонами и обшлагами. На всѣхъ каски, но не войлочныя, какія я видѣлъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ, а изъ полосатой бумажной матеріи, съ небольшимъ пучкомъ нѣтушьихъ перьевъ на верху. Каски эти такъ малы, козырьки приходятся такъ высоко надъ глазами и надъ затылкомъ, что ихъ скорѣе слѣдуетъ назвать тюбетейками *), чѣмъ касками. Мундиры не изъ сукна, а изъ бумажной матеріи на ватѣ. Всѣ въ башмакахъ **).

Караулъ отъ пѣхоты стоялъ у воротъ дома, кавалерія у моей квартиры.

Въ этотъ же день я простился съ меджиромъ Гуламъ-Магометомъ и выдалъ ему такое же свидѣтельство, какое далъ аджютану Ахмедъ Али-Аддижану въ Сальмазарѣ. Меджиръ предполагалъ вернуться въ Шибирханъ не по горной дорогѣ, а на Хейрабадъ.

Чтобъ дать отдыхъ лошадямъ, я рѣшилъ сдѣлать въ Меймене дневку.

На другой день, 26-го октября, я послалъ сказать

*) Тюбетейка—ермолка.

**) Въ конномъ строю кавалеристы надѣваютъ высокіе сапоги изъ нечерненной кожи, съ прямыми голенищами, т. е. совсѣмъ безъ складокъ отъ подъема до колѣна.

губернатору, что желаю его видѣть; но получилъ отвѣтъ, что безъ разрѣшенія луинанба онъ не смѣетъ со мною познакомиться. Я желалъ его видѣть затѣмъ, чтобы переговорить о маршрутѣ, по которому слѣдовать до Герата. Вслѣдствіе отказа губернатора принять меня, я просилъ прислать людей, которые ходили въ Гератъ, чтобы переговорить съ ними по тому же предмету; Магометъ-Акберъ-ханъ прислалъ мнѣ трехъ человѣкъ. Нужно замѣтить, что уже окрестности Меймене входятъ въ районъ туркменскихъ набѣговъ и что удобная дорога по долинѣ рѣчки Кайсоръ, впадающей въ Мургабъ, весьма часто подвержена аламанамъ (набѣгамъ). Поэтому караваны по этой дорогѣ не ходятъ и предпочитаютъ путь чрезъ пустынныя горы, хотя очень трудный, но сравнительно болѣе безопасный, чѣмъ путь по рѣкѣ Кайсоръ. Караванный путь въ Гератъ проходитъ чрезъ селенія Кайсоръ, Хаджиканду, Калеи-Нау и Курунъ. Мнѣ тоже предлагали слѣдовать по этому пути.

Вечеромъ явился дафадаръ изъ конвоя, который долженъ былъ сопровождать меня къ р. Мургабъ, за приказаніями на слѣдующій день. Я ему сказалъ, что завтра выступимъ чуть свѣтъ и ночевать будемъ въ Кайсорѣ. Дафадаръ началъ было говорить, что до Кайсора два перехода, что слѣдуетъ ночевать въ Альмарѣ, но я ему указалъ на дверь.

27-го октября, рано утромъ, конвой отъ змѣинаго полка, въ количествѣ одной сотни, стоялъ у воротъ

моей квартиры. Полкъ этотъ, носившій прежде названіе полка восемнадцати рѣкъ, получилъ настоящее свое имя въ 1877 году, за особенное отличіе, оказанное имъ при отбитіи пятисотъ плѣнныхъ жителей, захваченныхъ туркменами въ окрестностяхъ Меймене. Когда было получено извѣстіе объ этомъ аламанѣ, полкъ находился въ Мазаръ-и-Шерифѣ. Онъ въ два дня прискакалъ въ Меймене и на четвертый день настигъ аламанъ, много порубилъ туркменъ и освободилъ всѣхъ плѣнныхъ *). Конвой нарочно былъ назначенъ отъ змѣинаго полка, такъ какъ страна, куда мы вступали, подвержена опасности и потому нужна надежная сила, которая охранила бы меня отъ всякаго покушенія со стороны туркменъ.

При сотнѣ находился аджютанъ Гамидъ-ханъ, сеидъ по происхожденію. Физіономія этого человѣка рѣзко отличалась отъ физіономій афганцевъ; манеры его необыкновенно изящны; платье сидѣло на немъ чрезвычайно ловко. Я невольно сказалъ Гамидъ-хану, что онъ не афганецъ. Онъ мнѣ съ гордостью отвѣтилъ: „я арабъ“. Какъ потомку Магомета, ему оказываютъ особенное почтеніе и даже офицеры цѣлуютъ у него руки.

Съ нами везли полковое знамя, которое у афганцевъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и у насъ, т. е. для защиты его должны всѣ лечь. Гамидъ-ханъ,

*) Полкъ, какъ змѣя, повсюду пролѣзъ, отчего и получилъ свое названіе.

защиты его должны всѣ лечь. Гамидъ-ханъ, передавшій мнѣ это, добавилъ, что въ настоящее время знаменемъ для нихъ служу я, и если бы со мной что нибудь случилось, то ни одинъ человѣкъ изъ конвоя не смѣетъ вернуться домой, такъ какъ все равно его ожидаетъ тамъ смертная казнь.

Изъ Меймене къ намъ присоединился одинъ спутникъ, который долженъ былъ провожать насъ до Герата. Это курбаша города Меймене, Абдулъ. Его назначеніе состояло въ томъ, чтобы слѣдить за правильностью расходовъ, производимыхъ Миръ-Алиханомъ, котораго счеты, вѣроятно, показались губернатору Меймене слишкомъ преувеличенными.

Дорога, по выходѣ изъ города, первыя три версты идетъ по совершенно ровному дну долины; затѣмъ вступаетъ въ горы и пересѣкаетъ множество отроговъ и лощинъ, такъ что постоянно приходится то подниматься въ гору, то спускаться внизъ. Дорога очень узкая.

Я все время ѣхалъ рядомъ съ Гамидъ-ханомъ. Моя лошадь шла быстрой иноходью. Гамидъ-ханъ спрашивалъ меня: „вы постонно такъ ѣздите?“. Отвѣчаю: „иногда такъ, но больше шагомъ“.—„А мнѣ разсказывали, продолжалъ онъ, что вы всю дорогу скачете и что за вами трудно поспѣвать“. „Если бы я постоянно скакалъ, то моихъ лошадей давно бы уже не было на свѣтѣ, а онѣ тѣ самыя, на которыхъ я выѣхалъ изъ Самарканда“. Оказалось, что легенду о моей быстрой ѣздѣ, не знаю почему, рас-

спустилъ меджиръ Гуламъ-Магометъ. Гамидъ-ханъ передалъ мнѣ, что въ народѣ ходитъ слухъ, будто русское правительство купило Гератъ и теперь меня послало осмотрѣть самый городъ, стоитъ ли онъ тѣхъ денегъ, которыя за него заплачены, и дороги, по которымъ будутъ двигаться русскія войска для занятія города. Правда ли это? Конечно, не правда. Гдѣ-жъ такъ дѣлается, что сначала заплатятъ деньги за товаръ, а потомъ уже смотрятъ, стоитъ ли онъ тѣхъ денегъ. Я просто путешествую, а дороги мы знаемъ уже давно; вотъ и карта Афганистана. Замѣчательно, что слухъ о покупкѣ русскими Герата распространился по всей Азіи и предшествовалъ моему пріѣзду. Даже русскіе армяне, торгующіе въ Шахрудѣ, вѣрили этимъ слухамъ и спрашивали меня, можно ли теперь открыть конторы въ Гератѣ.

При смѣнѣ конвоя, солдаты первымъ дѣломъ интересовались знать: гдѣ я служу, въ пѣхотѣ или въ кавалеріи (пальтанъ или риссала), и затѣмъ, сколько у меня состоитъ подъ командой людей. Мустафа, для приданія большаго значенія мнѣ, а слѣдовательно и себѣ, съ каждымъ днемъ увеличивалъ число войскъ, находящихся у меня подъ командой, и въ Гератѣ число ихъ довелъ кажется до десяти тысячъ. За то его тамъ стали величать уже не Мустафа-ханъ, а Мустафа-бей.

На 21-й верстѣ отъ Меймене находится селеніе Альмаръ, въ шестьдесятъ дворовъ. Оно стоитъ въ обширной долинѣ рѣчки Альмаръ. Въ немъ квартируетъ сот-

ня змѣинаго полка, и жители пользуются нѣкоторою безопасностью со стороны туркменъ, хотя на кладбищѣ есть порядочное количество шестовъ съ тряпками, знакъ, что погребенные у этихъ шестовъ погибли въ бою. Селеніе Альмаръ стоитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, а на самомъ пути лежитъ его базаръ, куда съѣзжаются жители два раза въ недѣлю. 27 октября не было базарнымъ днемъ и въ лавочкахъ сидѣло нѣсколько торговцевъ; тѣмъ не менѣе, когда мы проѣзжали мимо базарныхъ построекъ, то Гамидъ-ханъ приказалъ сотнѣ образовать вокругъ меня цѣпь и ружья взять на изготовку. По долинѣ р. Альмаръ мы двигались три версты; затѣмъ опять вступили въ горы. Дорога имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и до Альмара, т. е. постоянные подъемы и спуски, которые здѣсь даже круче, чѣмъ по дорогѣ до Альмара; грунтъ глинистый; путь очень узкій. По дорогѣ, примѣрно черезъ каждыя шесть верстъ, мы встрѣчали пѣхотные посты, отъ 6 до 10 человѣкъ каждый, имѣющіе назначеніе охранять дорогу отъ туркменскихъ шаекъ. Посты стоятъ на самой дорогѣ и врядъ ли достигаютъ цѣли.

Гамидъ-ханъ, когда мы подъѣзжали еще къ Альмару, просилъ остановиться на ночлегъ въ этомъ селеніи, указывая на то, что лошади конвоя, долго застоявшіяся, могутъ попортиться; но я отказалъ. Мы ѣхали уже восемь часовъ подрядъ, а до Кайсора еще оставалось верстъ шесть. Видя, что лошади конвоя

дѣйствительно заморились и уступая просьбѣ такого порядочнаго человѣка, какъ Гамидъ-ханъ, я позволилъ свернуть съ дороги и остановиться на ночлегъ въ селеніи Сауръ. Такъ какъ мы шли очень быстро, то вьюки мои отстали. Людямъ было сказано, что мы сегодня ночуемъ въ Кайсорѣ. Не зная о томъ, что мы свернули въ сторону, мои люди продолжали идти прямо и остановились на ночлегъ въ Кайсорѣ, куда, по распоряженію Гамидъ-хана, было выслано особое прикрытіе.

Селеніе Сауръ лежитъ въ узкой долинѣ, на крутомъ скатѣ горы. Здѣсь уже видно, что жители должны ежедневно опасаться нападенія туркменъ. Селеніе построено кварталами, такимъ образомъ, что каждый кварталъ составляетъ нѣчто цѣлое, способное къ оборонѣ. По горамъ устроены башни.

Мнѣ отвели квартиру въ самомъ селеніи, а конвойная сотня расположилась въ палаткахъ *) внизу, на днѣ ущелья. Какъ всегда, къ моей квартирѣ поставленъ былъ караулъ.

Жители Саура очень бѣдны. Подобно тому какъ въ Курчи, здѣсь пришлось собирать провизію по горстямъ. Миръ-Али-ханъ, при сборѣ продуктовъ, выказалъ себя настоящимъ звѣремъ. Захвативъ перваго встрѣчнаго, онъ требовалъ отъ него масла, куръ или рису, и когда этотъ несчастный говорилъ, что у него ничего нѣтъ кромѣ хлѣба, то Миръ-

*) Палатки афганскихъ войскъ совершенно походятъ на наши переносные шатры для офицеровъ.

Али-ханъ начиналъ его бить и руками и ногами. Одного старика онъ избилъ до безчувствія. Солдаты, ходившіе по дворамъ, слѣдовали его примѣру. Я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, избивши свои кулаки, брали въ руки булыжникъ и имъ колотили жителей. Поднялся стонъ по всему селенію. Напрасно я просилъ, угрожалъ. Эти дикари, при видѣ крови, становились все свирѣпѣе и свирѣпѣе. Я ушелъ въ свою комнату и легъ спать, велѣвъ сказать Миръ-Али-хану, что не приму пищи, добытой съ пролитіемъ крови.

28-го октября мы ночевали въ Чаршамбе.

Чтобы выйдти на Кайсоръ, лежащій на р. Кайсоръ, надо было пройдти нѣсколько назадъ, перевалить черезъ хребетъ и тогда только спуститься въ долину этой рѣчки. На шестой верстѣ отъ Саура лежитъ селеніе Кайсоръ, имѣющее около 250 дворовъ. Дно долины, на которомъ стоитъ это селеніе, покрыто галькою. Въ Кайсорѣ къ намъ присоединилась одна сотня змѣинаго полка.

Отъ Кайсора дорога идетъ шесть верстъ по дну долины; затѣмъ вступаетъ опять въ горы, по которымъ слѣдуетъ около пяти верстъ. Путь изъ горъ выходитъ около небольшого селенія Чичакту. На 30-й верстѣ лежитъ селеніе Чаршамбе. Квартирующая въ этомъ селеніи 3-я сотня змѣинаго полка вышла намъ на встрѣчу и провожала до мѣста ночлега. Такимъ образомъ нашъ конвой возросъ до трехъ сотенъ съ 480 лошадьми, считая здѣсь ябу и прочихъ вьючныхъ лошадей.

Выйдя къ Чичакту, вступаешь въ страну, въ которой на каждомъ шагу видны слѣды набѣговъ туркменъ: деревни наполовину разрушены, поля съ отличной землей стоятъ въ запустѣніи, повсюду старые арыки, нынѣ безъ употребленія; берега рѣчки Кайсоръ поросли камышомъ, въ которомъ обитаютъ дикіе звѣри; куда ни посмотришь—всюду башни, въ которыя прячутся жители при набѣгѣ туркменъ; какъ бы ни было близко поле къ селенію, хотя бы всего въ двадцати шагахъ, на немъ непремѣнно стоитъ башня; дороги къ полямъ отдаленнымъ обезпечиваются башнями, поставленными въ разстояніи отъ 50 до 100 шаговъ одна отъ другой; внѣ селенія безъ оружія никто не смѣетъ показаться. Селеніе Чаршамбе есть послѣдній населенный пунктъ по долинѣ р. Кайсоръ. Между тѣмъ было время, когда эта долина была густо заселена.

Чаршамбе имѣетъ до 400 дворовъ. Раззоренія, причиняемыя туркменами, довели этотъ, нѣкогда богатый пунктъ до того, что въ немъ не нашлось ячменя для 480 лошадей на шесть сутокъ, и солдатамъ пришлось ѣхать назадъ, чтобы добыть себѣ фуражъ.

Мнѣ отвели квартиру въ самомъ лучшемъ домѣ, принадлежащемъ ишану, духовному лицу. Ишановъ и дервишей, какъ лицъ, близко стоящихъ къ Богу, туркмены не трогаютъ, такъ какъ бывали примѣры, что за насилія, учиненныя надъ ними, аламанщиковъ постигала кара небесная. Ишанъ Чаршамбе, пользуясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ,

усвоилъ себѣ слѣдующаго рода промышленность: онъ продаетъ изъ своего и изъ сосѣднихъ селеній дѣтей туркменамъ и затѣмъ, при выкупѣ ихъ родными, служитъ посредникомъ, при чемъ извѣстный процентъ идетъ опять-таки въ его пользу. Похищенія дѣтей онъ совершаетъ такъ ловко, что ни разу не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. Однакожъ всѣ жители указываютъ на него, какъ на торговца людьми. Этотъ человѣкъ пришелъ въ мою комнату съ хлѣбомъ и дынями, но я, раньше узнавъ о его занятіяхъ, не принялъ его хлѣба-соли и попросилъ удалиться.

VI.

Чаршамбе есть крайній населенный пунктъ до Мургаба и далѣе вверхъ по этой рѣкѣ, до земель Фирузкуи. Путь, ведущій чрезъ Чаршамбе и по Мургабу, былъ посѣщаемъ караванами, ходившими въ Гератъ. Сравнительно въ очень недавнее время онъ сдѣлался совершенно беззащитнымъ, а именно въ концѣ прошлаго столѣтія. Тогда персіяне еще не разучились владѣть оружіемъ, какъ теперь; они крѣпко стояли въ Мервѣ и Серакси и грозно держали окрестныя орды туркменъ, а текинцы, настоящіе владыки пустынь и почти хозяева въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хорасана, обитали въ землѣ Ахалъ. Въ 1784 году, бухарскій эмиръ Маасумъ, объявивъ войну шіитской Персіи, подступилъ къ Мерву, защитникомъ котораго былъ Байрамъ-Али-ханъ. Вслѣдствіе затрудненій въ самомъ Ираиѣ, защитникамъ Мерва не было оказано никакой помощи. Несмотря на геройскія усилія Байрамъ-Али-хана и храбрость

его воиновъ, бухарцы совершенно опустошили окрестности Мерва, всѣхъ жителей увели въ неволю и даже, чтобы воспрепятствовать будущему воздѣлыванію почвы въ Маргабскомъ оазисѣ, разрушили старинную плотину, которая способствовала орошенію. Съ тѣхъ поръ отъ Мерва остались только отдѣльныя груды земли. Въ 1790 году сарыки и около 1834 года текинцы овладѣли этими развалинами и тамъ, гдѣ когда-то процвѣтала персидская цивилизація, живетъ разбойничье племя, наводящее ужасъ на Персію, афганскій Туркестанъ и Гератскую область. Эти разбойники имѣютъ пословицу: „если врагъ нападаетъ на кибитку твоего отца, то ты пристань къ нему и грабь вмѣстѣ“.

Текинцы, появленіемъ своимъ на ужасающихъ разстояніяхъ отъ Мерва (они, напримѣръ, заходятъ въ Нимбелукъ, на 700 верстъ) прославились до того, что всякій туркменскій набѣгъ, даже изъ другого племени, приписываютъ текинцамъ. Будучи обладателями отличныхъ скакуновъ и необыкновенно терпѣливые въ перенесеніи всѣхъ трудовъ, сопряженныхъ съ аламанами, они легко совершаютъ набѣги на 500 верстъ. Въ прежнее время, до хивинскаго похода 1873 года, они выходили на аламаны шайками въ тысячи человѣкъ и даже врывались въ города и селенія. Отъ этого всѣ поселенія въ Гератской области и Хорасанѣ обнесены высокими стѣнами, съ тяжелыми воротами, заваливаемыми и по настоящее время на ночь огромными камнями. Не-

счастный походъ на Мервъ 20-ти-тысячной персидской арміи, подъ начальствомъ Хамза-мирза-Эшмедитдоуле, въ 1861 году, когда три тысячи текинцевъ взяли въ плѣнъ почти всю армію, продавая солдатъ за три тумана (9 р.), послужилъ нагляднымъ доказательствомъ непобѣдимости этого племени. 1871 годъ, когда во всей Персіи свирѣпствовалъ страшный голодъ, былъ самымъ прибыльнымъ годомъ для текинцевъ. Ослабѣвъ отъ безкормицы, люди не въ состояніи были оказывать туркменамъ никакого сопротивленія. Разсказываютъ, что бѣдные туркмены выходили на аламаны на ослахъ и вооруженные дубьемъ, въ виду Серакса, забирали народъ въ плѣнъ *). Хивинскій походъ и его послѣдствія—уничтоженіе торговли людьми въ Хивѣ и Бухарѣ, нанесли страшный ударъ туркменамъ: имъ некуда уже было сбывать свой ясыръ. Первые два года послѣ хивинскаго похода набѣги туркменъ совершенно прекратились, но потомъ они возобновились, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ бывало до 1873 года.

Туркмены, какъ шакалы, боятся дневного свѣта и нападаютъ на свою добычу на разсвѣтѣ или вечеромъ, при закатѣ солнца; днемъ рѣдко отваживаются на это. Они производятъ нападеніе только въ томъ случаѣ, когда разсчитываютъ на вѣрный успѣхъ. Они не любятъ терять людей, и если встрѣтятъ мало-мальски серьезное сопротивленіе, тот-

*) Слышалъ отъ человѣка, взятаго въ плѣнъ такого рода аламанщиками.

часъ оставляютъ добычу и разбѣгаются. Поэтому на вооруженныхъ людей они нападаютъ съ разборомъ.

Намѣреваясь отправиться въ дальній набѣгъ, туркменъ готовитъ къ тому своего коня. Сперва онъ сгоняетъ жиръ съ лошади, каждый день проѣзжая ее сначала тихими, потомъ усиленными аллюрами; затѣмъ начинаетъ укрѣплять ее, давая ей ячменныя лепешки, жирно замѣшанныя на бараньемъ салѣ. Такія лепешки даются въ продолженіе пяти дней, послѣ чего лошадь готова для самыхъ усиленныхъ переходовъ на быстрыхъ аллюрахъ. Отправляясь на аламанъ, туркменъ беретъ съ собою запасъ ячменя, ячменныхъ лепешекъ на бараньемъ салѣ и жаренаго пшена или кукурузы. Большую часть этихъ запасовъ онъ зарываетъ по пути, чтобы воспользоваться ими при обратномъ движеніи; при себѣ же оставляетъ немного проса и лепешекъ. При отправленіи въ набѣгъ, обыкновенно цѣлый аулъ провожаетъ аламанщиковъ, а муллы благословляютъ ихъ на предстоящій подвигъ. По своей землѣ аламанщики двигаются тихо. Вступивъ въ страну, гдѣ имъ можетъ угрожать опасность, они пускаютъ коней въ галопъ, выбирая самыя глухія тропинки. Ихъ великолѣпныхъ коней не стѣсняютъ ни горы, ни камни на дорогѣ, ничто. Не даромъ текинцы носятъ свое названіе: теке значитъ козелъ! Какъ козла не останавливаетъ ни какая мѣстность, такъ никакая мѣстность не останавливаетъ текинца. Войдя въ страну, гдѣ можно надѣяться

на поживу, текинцы иногда по нѣсколько дней высматриваютъ добычу, и когда увѣрены въ успѣхѣ, съ крикомъ „уръ“ (бей) бросаются на нее съ разныхъ сторонъ. Если то былъ караванъ, то, быстро разрѣзавъ тюки, выбираютъ что поцѣннѣе; если то было стадо барановъ, то передовымъ изъ него надрѣзываютъ уши и стрѣляютъ на воздухъ, бараны летятъ стремглавъ; если то были люди, то скручиваютъ имъ крѣпко руки назадъ, сажаютъ на крупъ своихъ лошадей и ноги плѣнниковъ связываютъ подъ животомъ коня; усѣвшись въ сѣдло, аламанщикъ закидываетъ веревку за спину своей добычи и концы ея крѣпко связываетъ у себя на груди. Аламанщикъ, пока не достигнетъ безопасныхъ мѣстъ, останавливается лишь на нѣсколько секундъ поить лошадь; кормитъ же ее на скаку, подвязывая небольшую торбочку съ лепешками. Если туркменъ возвращается по тому пути, на которомъ онъ оставилъ запасы, то останавливается, чтобы забрать ихъ. Если же ему приходится ѣхать по иному пути, то онъ совсѣмъ не слѣзаетъ съ коня и не снимаетъ своего плѣнника. Мустафа мнѣ разсказывалъ и другіе люди, бывавшіе въ плѣну у текинцевъ, подтвердили справедливость его показанія, что въ теченіе пяти сутокъ, при безпрерывной ѣздѣ галопомъ, онъ не ѣлъ, не пилъ, не слѣзалъ съ лошади; хозяинъ его тоже не слѣзалъ съ коня, не пилъ, но по временамъ ѣлъ жареное пшено. Когда текинецъ вполнѣ увѣренъ, что погоня настичь его не можетъ, тогда онъ оста-

навливается гдѣ-нибудь у воды, кормитъ лошадь травою, снимаетъ съ крупа плѣнника, ослабляетъ веревки и даетъ ему поѣсть. Далѣе онъ пускаетъ лошадь шагомъ. Подъѣзжая къ своему аулу, аламанщики посылаютъ нѣсколько людей впередъ, дать знать о своемъ возвращеніи. Весь аулъ выходитъ на встрѣчу побѣдителямъ; женщины цѣлуютъ у нихъ полы халатовъ, стремена, муллы громко славословятъ Бога, старики хвалятъ молодежь за ея удаль.

Старыхъ людей, неспособныхъ къ работѣ, и грудныхъ дѣтей въ плѣнъ не берутъ: ихъ обыкновенно убиваютъ на мѣстѣ; женщинъ охотно берутъ въ плѣнъ, дѣлаютъ ихъ наложницами, а дѣтей отъ нихъ прежде продавали въ неволю въ Хиву и въ Бухару, а теперь оставляютъ у себя рабами. Въ прежнее время, когда существовали въ Средней Азіи невольничьи рынки, туркмены старались поскорѣе сбывать туда свой ясыръ и рѣдко удерживали у себя плѣнниковъ въ качествѣ работниковъ, потому что они могутъ убѣжать и притомъ съ помощью хозяйскаго коня. Если хозяинъ оставлялъ плѣнника у себя, то по крайней мѣрѣ полгода держалъ постоянно на цѣпи, а потомъ сковывалъ руки и ноги только на ночь. Въ настоящее время текинцы берутъ въ плѣнъ взрослыхъ, чтобы получить за нихъ выкупъ, и малолѣтнихъ, чтобъ, воспитавъ ихъ въ своей средѣ, имѣть вѣчнаго раба. Чтобъ побудить плѣнника къ скорѣйшему выкупу, туркмены иногда

прибѣгаютъ къ пыткамъ. Такъ прежній хозяинъ нашего туркестанскаго солдата Кидяева, взятаго въ плѣнъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ концѣ 1873 года, текинецъ Дангатаръ, нѣсколько разъ клалъ ему на животъ раскаленные угли и обливалъ ему животъ кипяткомъ, вслѣдствіе того, что выкупа за него не прислали.

Всѣ бывавшіе въ Мервскомъ оазисѣ отзываются о немъ съ восхищеніемъ. Они говорятъ, что если русскіе завоюютъ Мервъ, то масса народа изъ Персіи перейдетъ туда на житье. Мустафа тоже хочетъ бросить свой Гюлистанъ и перетащить въ Мервъ всѣхъ своихъ родичей. Отличная почва оазиса, при изобиліи воды въ рѣкѣ Мургабѣ, никогда не знаетъ неурожаевъ. Во время голода въ Персіи въ 1871 году, въ Мервскомъ оазисѣ хлѣбъ былъ такъ же дешевъ, какъ всегда. Многіе плѣнные персіяне, за которыхъ уже внесенъ былъ выкупъ ихъ родственниками, оставались въ Мервѣ до новаго урожая въ Персіи. Плотина, разрушенная войсками Маасума, возобновлена и каждую весну исправляется. Для этого все текинское населеніе обыкновенно выставляетъ 2,000 рабочихъ, каждый рабочій отъ двадцати-четырехъ семействъ; слѣдовательно текинцевъ 48,000 семействъ, или отъ 190 до 240,000 жителей обоего пола. Намѣреніе Маасума обратить Мервскій оазисъ въ пустыню не исполнилось. По прежнему онъ слыветъ шахъ-джаганомъ, т. е. царемъ округа, за свое необыкновенное плодородіе; по прежнему онъ

оправдываетъ составленную про него легенду, что въ Мервѣ впервые Богъ научилъ Адама обрабатывать землю. Мервскій оазисъ имѣетъ 12 верстъ ширины и 120 верстъ длины.

Аламанами нѣкоторые текинцы составили себѣ значительныя состоянія, заключающіяся въ женахъ, баранахъ, лошадяхъ, золотыхъ и серебряныхъ монетахъ. Туркмены до скупости бережливы къ деньгамъ и всякаго рода вещамъ, считаемымъ драгоцѣнными. Разсказываютъ, что есть хозяева, которые поднимаютъ награбленное золото и серебро на шести верблюдахъ.

То мѣсто на картахъ, гдѣ подписано Мервъ *), въ натурѣ имѣетъ всего два дома: мечеть и школу и нѣсколько разбросанныхъ на большомъ разстояніи одинъ отъ другого дворовъ, окруженныхъ глиняными заборами. Внутри этихъ дворовъ стоятъ кибитки и при нихъ лошади, которыхъ туркменъ любитъ и бережетъ болѣе всего на свѣтѣ. Часто можно встрѣтить кибитку съ ободранными войлоками, а лошадь покрыта хорошими попонами. Туркменъ и его лошадь дополняютъ другъ друга. Туркмены будутъ разбойниками до тѣхъ поръ, пока у нихъ такая прекрасная порода лошадей. Если бы намъ пришлось когда нибудь покорить Мервъ, то независимо денежной контрибуціи, у текинцевъ слѣдовало бы отобрать лучшихъ жеребцовъ и кобылъ.

*) Мервъ есть персидское названіе; узбеки же называютъ его Мауръ.

Общественный строй текинцевъ патріархальный. Старшіе въ родѣ имѣютъ на своихъ соплеменниковъ только вліяніе, но отнюдь не пользуются властью. Вліяніе старшинъ сильно въ дѣлахъ междуплеменныхъ, когда одно племя мирится съ другимъ послѣ ссоры или заключаетъ союзъ противъ общаго врага.

Текинскій оазисъ закрытъ для европейца, кто бы онъ ни былъ: англичанинъ или русскій. При свиданіи съ бухарскимъ эмиромъ въ Китабѣ, я просилъ его оказать мнѣ содѣйствіе проникнуть въ Мервъ. Это содѣйствіе должно было состоять въ томъ, что эмиръ пошлетъ со мною текинца Кара-Шайтана, находящагося у него на службѣ въ качествѣ датхи (генерала), который, имѣя связи въ Мервѣ, доставитъ меня куда пожелаю. Но бухарскій эмиръ могъ поручиться за благополучное слѣдованіе только въ предѣлахъ туркменскихъ земель, подчиненныхъ ему, и самымъ рѣшительнымъ образомъ слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за безопасность мою при дальнѣйшемъ движеніи къ Мерву. Онъ говорилъ, что я, пожалуй, дойду до Мерва, но тамъ меня посадятъ на цѣпь. Непиръ только въ такомъ случаѣ рѣшался ѣхать на Мервъ, если текинцы выдадутъ персидскому правительству заложниковъ. Но заложниковъ текинцы не давали, и Непиръ съ досадою говорилъ: „если кто можетъ проѣхать чрезъ Мервъ, такъ это бѣлая шапка“, т. е. русскій офицеръ. Это было сказано въ началѣ 1878 года, но въ настоящее время именно бѣлая шапка и не пройдетъ.

Всѣ воспоминанія жителей странъ, подверженныхъ текинскимъ набѣгамъ, вращаются въ кругѣ этихъ набѣговъ; свою хронологію они пріурочиваютъ къ тому или другому набѣгу. Въ Персіи и отчасти въ Гератской области существуетъ спеціальная молитва объ избавленіи народа отъ набѣговъ туркменъ. Вся жизнь пройденныхъ мною странъ направлена только къ тому, чтобы обезопасить себя отъ разбойниковъ. Населеніе во многихъ мѣстностяхъ умоляло меня довести до свѣдѣнія Бѣлаго Царя ихъ благодарность за освобожденіе изъ хивинскаго рабства и просьбу о сокрушеніи туркменъ. Жители прямо высказывались, что единственная надежда на избавленіе отъ туркменъ—это на Русскаго Царя. Ни эмиру афганскому, ни тѣмъ болѣе шаху персидскому, никакого нѣтъ дѣла до того, что народъ погибаетъ. Какъ на видимое доказательство справедливости своихъ сѣтованій, они указывали мнѣ на свои кладбища, на которыхъ надъ рѣдкой могилой не поставленъ шестъ съ тряпкой *); на свои селенія, на половину разрушенныя; на огромныя пространства отличной земли, находящейся въ запустѣніи. Они мнѣ говорили, что рады трудиться, показывали свои подземные арыки (карызы), посредствомъ которыхъ орошаютъ поля, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляли, что каждая сажень карыза покрыта кровью или ознаменована уводомъ людей въ неволю.

*) Шестъ съ тряпкою на могилѣ означаетъ, что здѣсь похороненъ убитый на войнѣ.

Когда населеніе узнавало, что я самъ участвовалъ въ хивинскомъ походѣ, то изъявленіямъ сочувствія его ко мнѣ не было конца.

Не смотря на то, что нашъ конвой достигъ солидной цифры 300 вооруженныхъ солдатъ, аджютанъ Гамидъ-ханъ не рѣшался вести меня по долинѣ р. Кайсоръ, изъ опасенія встрѣчи съ туркменами, а выбралъ другой путь по горамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ объяснялъ мнѣ причину избранія горнаго пути. Можетъ быть онъ и говорилъ правду; но, полагаю, что прямая дорога не на столько опасна, чтобы по ней не въ состояніи были прослѣдовать 300 вооруженныхъ людей, тѣмъ болѣе что всякому извѣстно, что туркменскій аламанъ никогда не осмѣлится напасть на хорошо вооруженныхъ, и въ данномъ случаѣ, солдатъ. По всей вѣроятности, афганцы не хотѣли показать мнѣ хорошей дороги и повели по такой, по которой въ другой разъ не захочешь идти. Въ этомъ убѣжденіи поддерживаютъ меня слѣдующія обстоятельства: 1) мы двигались въ горахъ такимъ образомъ, какъ бы никакой опасности не существовало: наша колонна растягивалась верстъ на шесть, и хотя авангардъ и арріергардъ были выставлены *), но пока они поспѣли бы къ срединѣ безоружнаго обоза, туркменъ и слѣдъ простылъ бы; 2) путь, по которому мы двигались, лежалъ очень близко къ долинѣ Кай-

*) Всѣ наши силы были распредѣлены между авангардомъ и арріергардомъ.

сора; по временамъ, сквозь продольныя ущелья, мы видѣли эту долину верстахъ въ трехъ и 3) большею частью мы шли прямо безъ тропинокъ, безъ всякихъ слѣдовъ дороги, цѣликомъ. Напрасно я убѣждалъ аджютана, что движеніе войскъ вблизи туркменскихъ земель произведетъ нѣкоторый эффектъ и что если бы, сверхъ всякаго чаянія, на насъ напали туркмены, то такой храбрый полкъ, какъ змѣиный, конечно ихъ разобьетъ. Я самъ готовъ принять участіе въ дѣлѣ и преслѣдовать туркменъ куда угодно. Выбранный же аджютаномъ путь покажетъ только разбойникамъ, что ихъ боятся и они станутъ еще дерзче. Аджютанъ отвѣчалъ одно: онъ молитъ Бога, чтобъ меня благополучно доставить въ Гератъ и при этомъ не встрѣтить туркменъ; какъ онъ ни надѣется на свой полкъ, но мало ли что можетъ случиться.

Только что мы выступили изъ Чаршамбе, какъ намъ на встрѣчу скачетъ чапаръ изъ Герата и подаетъ аджютану записку, въ которой его увѣдомляютъ о прорывѣ туркменъ за Паропамизъ и просятъ о принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ къ загражденію имъ выхода назадъ. Аджютанъ, прочитавъ эту записку, сказалъ мнѣ, что въ настоящее время на немъ лежитъ болѣе важная обязанность, чѣмъ заграждение выхода туркменамъ: онъ конвоируетъ меня и по письму изъ Герата изъ своего полка не можетъ выдѣлить ни одного человѣка. Написавъ записку губернатору Меймене, аджютанъ отправилъ туда чапара.

Изъ Чаршамбе мы пошли на югъ, перевалили

небольшой хребетъ и чрезъ часъ движенія вступили въ кишлакъ Особы-Кофъ. Здѣсь покоится святой, про котораго разсказываютъ, что, однажды завидѣвъ, какъ орелъ готовился уже заклевать сайгу, онъ остановилъ его словомъ и заставилъ его служить себѣ до самой смерти. Сайга, изъ благодарности къ своему избавителю, привязалась къ нему и съ тѣхъ поръ его не покидала. Такимъ образомъ со святымъ постоянно жили орелъ и сайга. Чучела ихъ поставлены у гробницы святого. Въ память своего чудотворца, жители селенія Особы-Кофъ постоянно держатъ при своемъ стадѣ сайгу. Я видѣлъ это животное. Оно до того ручное, что ставитъ ноги на плечи пастуху. Чаршамбе на Кайсорѣ и Особы-Кофъ во второстепенномъ ущельи—послѣдніе населенные пункты до Мургаба. На 5-й верстѣ отъ Особы-Кофъ, влѣво отъ дороги, находятся развалины крѣпости Тахта-Хотынъ. До этого мѣста дорога шла по ущелью; это была настоящая дорога. Но отъ Тахта-Хотынъ мы свернули влѣво и пошли по цѣлинѣ, пересѣкая множество подъемовъ и спусковъ. Иногда мы выходили на тропинки и здѣсь видѣли слѣды старыхъ арыковъ и заброшенныя поля. Повсюду отличная земля, покрытая высокою травою. Послѣ десятичасового безпрерывнаго марша мы остановились на болотистомъ ручьѣ Тагай-Кара-Джангаль. Переходъ 29-го октября очень трудный, но онъ былъ ничто въ сравненіи съ переходомъ, который предстоялъ намъ на слѣдующій день.

Б-ка

Ущелье, въ которомъ протекаетъ ручей Тогай-Кара-Джангаль, до того заросло камышами, что мы не нашли ни одного мѣста для бивака нашей колонны и должны были расположиться двумя группами, въ полуверстѣ одна отъ другой. Пищу готовили изъ провизіи, купленной въ Чаршамбе.

Переходъ 30-го октября. Первыя двѣ версты мы шли по ручью Тогай-Кара-Джангаль и здѣсь увидѣли издали развалины Колен-Вали на Кайсорѣ. Потомъ повернули круто на юго-западъ и безъ дорогъ шли 25 верстъ, пересѣкая множество отроговъ и спусковъ. Наконецъ, вышли въ долину у подошвы высокаго хребта Кара-Джангаль. По долинѣ течетъ ручей и ведетъ тропинка. По этому ручью мы двигались 5 верстъ. Затѣмъ начался подъемъ на хребетъ Кара-Джангаль. Подъемъ тянется $4^1/_2$ версты; онъ очень крутой, покрытъ камнями, арчею и фисташковыми деревьями. Вершина хребта скалистая. Спускъ съ него до того труденъ, что нѣтъ возможности сидѣть на лошади. Скалистая часть спуска тянется на двѣ версты. Потомъ дорога поворачиваетъ на сѣверо-западъ и постепенно спускается по террасамъ къ рѣкѣ Мургабъ. Авангардъ подошелъ къ рѣкѣ чрезъ десять часовъ по выступленіи съ ночлега, а хвостъ подтянулся только чрезъ двѣнадцать часовъ. Этотъ трудный переходъ обошелся афганцамъ не дешево: три ябу пало, четыре ябу отказались везти вьюки и нѣсколько строевыхъ лошадей начали мочиться съ кровью. Афганцы, въ началѣ подсмѣивавшіеся

надъ моими невзрачными киргизскими лошадьми, только придя къ Мургабу оцѣнили ихъ достоинства.

Мы остановились на берегу рѣки Мургабъ, широкой и многоводной. Берега ея круты и имѣютъ 4 сажени вышины; поросли кустарникомъ и ивовыми деревьями. На правомъ берегу широкая ровная площадь, на которой мы и разбили свой лагерь; къ лѣвому же берегу очень близко подходитъ высокій скалистый хребетъ. Недалеко отъ нашего ночлега находится бывшее укрѣпленіе Бала-Мургабъ, отъ котораго уже начинается Гератская область.

По предположенію, составленному въ Мазаръ-и-Шерифѣ, къ Бала-Мургабу должны были выйдти для конвоированія меня, войска изъ Герата. Джамадаръ Миръ-Али-ханъ, долженствовавшій отправить изъ Меймене врученное ему лунанбомъ письмо къ генералъ-губернатору Герата, не отправилъ его ни изъ Меймене, ни съ пути къ Мургабу, несмотря на неоднократныя настоянія адъютанта Гамидъ-хана, для котораго вопросъ о высылкѣ конвоя изъ Герата былъ вопросомъ первостепенной важности, такъ какъ избавлялъ его отъ хлопотъ и отвѣтственности, сопряженныхъ съ конвоированіемъ моей личности. Такимъ образомъ людямъ змѣинаго полка приходилось сопровождать меня до Герата. Такъ какъ дальнѣйшій путь къ этому мѣсту уже не представлялъ тѣхъ опасностей, которыя грозятъ путешественнику на дорогѣ отъ Меймене къ Мургабу, вслѣдствіе того, что текинцы не ходятъ на алама-

ны чрезъ земли газаре и джемшидовъ, въ обиду себя не дающихъ, то аджютанъ призналъ возможнымъ сократить мой конвой до 40 человѣкъ при одномъ джамадарѣ. Изъ освободившихся такимъ образомъ $2^1/_2$ сотенъ, одна сотня должна была выжидать на Мургабѣ сутки, пока я не приду въ землю газаре, а $1^1/_2$ сотни должны были идти въ горы, на перерѣзъ тому аламану, извѣстіе о которомъ аджютанъ получилъ около Чаршамбе.

31-го октября намъ предстоялъ небольшой переходъ и потому мы поднялись довольно поздно. Хотя до Герата меня должны были конвоировать только 40 человѣкъ, однакожъ люди всѣхъ трехъ сотенъ нарядились въ красные мундиры и форменныя шапки и сѣли на коней. Оказалось, что аджютанъ хотѣлъ съ парадомъ проводить меня. Мы тронулись. Сотни, пользуясь открытою ровною мѣстностью, двигались развернутымъ фронтомъ. Проѣхавъ около версты, аджютанъ сказалъ, что здѣсь долженъ проститься со мною. Я обошелъ сотни по фронту, поблагодарилъ офицеровъ и солдатъ и крѣпко пожалъ руку Гамидъ-хану, единственной личности, умѣвшей держать себя съ достоинствомъ, которую я встрѣтилъ въ Афганистанѣ. До переправы чрезъ Мургабъ аджютанъ велѣлъ сопровождать меня одной сотнѣ, которая должна была вернуться въ лагерь лишь тогда, когда переправа кончится.

Первыя двѣ версты дорога шла по ровной мѣстности; затѣмъ мы перевалили чрезъ небольшой отрогъ

и вступили въ узкое скалистое ущелье, которое тянется двѣ версты. При выходѣ изъ ущелья, на обоихъ бокахъ его, на скалѣ, высотою саженъ въ 50, стоятъ развалины укрѣпленія Бала-Мургабъ, въ видѣ каменныхъ стѣнъ и башни. Укрѣпленіе это занималось афганскими войсками до тѣхъ поръ, пока оно было пограничнымъ пунктомъ съ ханствомъ Меймене. Съ покореніемъ этого послѣдняго, содержаніе гарнизона въ Бала-Мургабѣ признано было излишнимъ.

Отъ Бала-Мургаба мы круто повернули на югъ и вступили въ широкую ровную долину рѣки, огражденную съ правой стороны высокимъ скалистымъ обрывомъ, а съ лѣвой небольшими горами съ мягкими очертаніями. Долина имѣетъ ширины отъ двухъ до трехъ верстъ и поросла камышомъ и высокою, по грудь, травою. Такъ какъ путь, по которому мы двигались, рѣдко посѣщаемъ, то тропинка заросла, и мы съ большимъ трудомъ пробирались сквозь камышъ и траву. Рѣка Мургабъ течетъ однимъ русломъ ближе къ лѣвому берегу долины. Ширина рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ переправлялись, около 35 саженъ. Не смотря на позднее время года и полное отсутствіе дождя и снѣга въ теченіе всей осени, Мургабъ можно было перейдти только по извѣстному броду, глубина котораго выше брюха лошади. Мургабъ—это настоящая рѣка, это „дарья“. Меня переправляли съ такою бережностью, что. право, становилось досадно: за кого же они меня счи-

таютъ! Независимо того, что поперегъ рѣки разставили людей, сотенный командиръ и четыре солдата ѣхали рядомъ со мною, а двое солдатъ слѣдовали впереди.

Когда всѣ переправились, то сотня, провожавшая меня, вернулась на бивакъ, а мы продолжали свой путь. Сначала мы шли по рѣчкѣ, впадающей въ Мургабъ и текущей по той широкой долинѣ, въ которую мы вступили за Бала-Мургабомъ; затѣмъ началось скалистое ущелье, до того заросшее камышемъ, что мы насилу чрезъ него продирались. Ущелье очень узкое, отъ 20 до 40 саженъ въ поперечникѣ. Тропинка нѣсколько разъ переходитъ чрезъ рѣчку, заваленную большими камнями. Эти переходы съ одного берега на другой очень затруднительны и даже опасны въ томъ смыслѣ, что лошадь легко испортить.

Во время слѣдованія этимъ ущельемъ мы встрѣтили 30 газаре, спѣшившихъ занять нѣкоторые выходы изъ горъ, на вѣроятныхъ путяхъ возвращенія того текинскаго аламана, о которомъ былъ извѣщенъ Гамидъ-ханъ въ Чаршамбе.

На 12-й верстѣ мы вышли на лѣвый берегъ рѣчки и по карнизу слѣдовали 8 верстъ, до впаденія въ нее небольшой рѣчки. Отсюда мы круто повернули на западъ, въ широкую долину, которая чрезъ 6 верстъ привела насъ къ обширной полянѣ, обставленной невысокими горами. Здѣсь много полей, принадлежащихъ жителямъ селенія Дарабаумъ. На

полянѣ мы нашли шесть чел. изъ разграбленнаго текинцами 30-го октября каравана, шедшаго изъ Меймене въ Гератъ по караванному пути. По разсказамъ этихъ людей, туркмены потеряли трехъ убитыми, но взяли въ плѣнъ 30 человѣкъ, убили 5 человѣкъ и разграбили всѣ товары.

Съ поляны мы повернули на югъ и чрезъ двѣ версты подошли къ селенію Дарабаумъ. Жители фирузкуи, персидскаго происхожденія; живутъ въ кибиткахъ; домовъ имѣется не больше пяти. Бѣдность страшная.

Весь переходъ 31-го октября—28 верстъ. Дорога очень трудная.

Миръ-Али-ханъ и въ Дарабаумѣ избилъ нѣсколько человѣкъ. Ему понадобился чеснокъ; но жители не только не разводятъ его, но даже не слышали слова сиръ (чеснокъ); за это онъ ихъ и билъ. Я уже пересталъ его останавливать. Но когда онъ вернулся на бивуакъ, то сдѣлалъ ему замѣчаніе — не проходитъ дня, чтобы онъ не подрался съ кѣмъ нибудь. Онъ мнѣ въ отвѣтъ: „я брошу все и вернусь въ Мазаръ-и-Шерифъ“. „Неужели вы думаете, что безъ васъ нельзя обойтись? Уходите. Но вѣдь вы не уйдете. Зачѣмъ же вы это и говорите. Я сожалѣю теперь, что не написалъ объ васъ изъ Зайналъ-Обединъ-Беймара“.

Путь 1-го ноября. Дорога сначала поднимается на перевалъ, не большой, но крутой; грунтъ мягкій; тропинка узкая. Затѣмъ мы слѣдовали три версты

по долинѣ, обставленной невысокими горами; потомъ опять поднялись на перевалъ, вышли въ долину и въ концѣ ея пересѣкли еще три перевала. Наконецъ на 15-ой верстѣ вышли на обширную поляну Санджатакъ-бала, гдѣ расположено нѣсколько десятковъ кибитокъ газаре: поляна обработана. Отсюда двигались по узкой долинѣ $2^1/_2$ версты и вышли на вторую большую поляну Санджатакъ-поинъ. Здѣсь тоже поля и кибитки газаре. Отъ Санджатакъ-поинъ дорога ровная, хорошая, пролегаетъ по возвышенной равнинѣ, обставленной невысокими горами.

Въ Санджатакъ-поинъ выѣхали мнѣ на встрѣчу, полагаю, не менѣе тысячи всадниковъ изъ племени газаре, съ своимъ ханомъ и національнымъ знаменемъ. Газаре *) монгольскаго племени и въ прошломъ столѣтіи, въ числѣ тысячи семействъ, были переселены на настоящія мѣста изъ Туркестана. Названіе свое получили отъ слова газаръ (тысяча). Говорятъ по персидски. Это необыкновенно рослое, красивое, мужественное племя. Зависимость его отъ Ширъ-Али-хана вассальная. Жители платятъ подати своему хану и управляются имъ совершенно самостоятельно. По требованію афганской центральной власти, въ случаѣ войны, выставляютъ вооруженныхъ всадниковъ. Ханъ ихъ, Махмудъ, живетъ въ Кабулѣ, въ качествѣ заложника, а народомъ управ-

*) Надо отличать этихъ газаре отъ газаре, живущихъ на баміанскомъ пути. Этихъ послѣднихъ афганцы называютъ газаре-барбари.

ляетъ его сынъ. Газаре считаютъ до 4,000 семействъ. Они обладаютъ отличною породою лошадей, нисколько не уступающею текинской. У нихъ много скота. Занимаются хлѣбопашествомъ и сборомъ фисташекъ. Живутъ въ большомъ довольствѣ. Выѣхавшіе мнѣ на встрѣчу были одѣты въ новые халаты и всѣ имѣли за плечами ружья съ сошками. Носятъ бараньи шапки, такія же, какъ и туркмены.

Послѣ обоюдныхъ привѣтствій мы тронулись въ Кален-Нау, столицу газаре. Кален-Нау отстоитъ отъ Дарабаума въ 37 верстахъ. Въ городѣ двѣ крѣпости, старая и новая, базаръ и много домовъ изъ глины; но большая часть жителей живетъ въ кибиткахъ. Газаре построили крѣпость противъ текинцевъ, съ которыми у нихъ постоянная война. Случается, что газаре дѣлаютъ набѣги на Мервскій оазисъ и уводятъ оттуда въ плѣнъ текинцевъ, на которыхъ вымѣниваютъ своихъ плѣнныхъ родичей. Свою породу лошадей они улучшили посредствомъ барантовки коней у текинцевъ.

Намъ были разбиты отличныя кибитки, убранныя коврами. Угощеніе всѣмъ было отъ жителей.

VII.

На слѣдующій день, 2-го ноября, по распоряженію хана газаре, меня конвоировали 200 вооруженныхъ всадниковъ. Пройдя двѣ версты, мы вступили въ лѣсъ фисташковыхъ деревьевъ. Сначала двигались по холмистой мѣстности, потомъ по ровной долинѣ, перевалили три большихъ подъема, изъ коихъ одинъ каменистый, и вступили въ широкую долину. Это было на 35-ой верстѣ. Воды нѣтъ на всемъ этомъ пространствѣ и еще на десять верстъ впередъ. Кое-гдѣ видны запруды для сбора воды весною. Пастбища превосходныя. На 45-ой верстѣ маленькій ручей солоноватой воды. Затѣмъ опять подъемъ, очень крутой, и спускъ въ бассейнъ рѣки Кушкъ. Нѣсколько селеній, носящихъ одно общее имя Кушкъ, тянутся на протяженіи пяти верстъ по обѣимъ сторонамъ долины, въ которой протекаетъ р. Кушкъ нѣсколькими рукавами. Долина имѣетъ ширины до четырехъ верстъ. Дно ея покрыто галькою. Верстъ за десять отъ Кушка

меня встрѣтили около 1000 всадниковъ изъ мѣстныхъ жителей, принадлежащихъ племени джемшидовъ, персидскаго происхожденія съ своимъ ханомъ и національнымъ знаменемъ. Джемшидовъ около 5 тысячъ семействъ. Они состоятъ въ такомъ же отношеніи къ афганскому эмиру, какъ и газаре. Ханъ ихъ, Ибадулла, живетъ въ Кабулѣ, въ качествѣ заложника; тамъ же живетъ и его старшій сынъ, джернель (генералъ) Миръ-Алимъ. Народомъ правитъ младшій сынъ Ибадуллы, Аминулла-ханъ. Джемшиды имѣютъ отличныхъ лошадей, занимаются скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ и, подобно сосѣдямъ своимъ газаре, дѣлаютъ иногда набѣги на Мервскій оазисъ, находясь съ текинцами въ вѣчной войнѣ.

Въ Кушкѣ намъ разбили огромныя съ двойными стѣнками палатки и угощали отъ Аминулла-хана, произведеніями персидской кухни. Курбаша Абдулла, присоединившійся къ намъ въ качествѣ соглядатая въ Меймене, какъ здѣсь, въ Кушкѣ, такъ и наканунѣ въ Кален-Нау, требовалъ, чтобы кушанья, изготовленныя мѣстными поварами, прежде чѣмъ подавать мнѣ, были пробуемы самими поварами. Абдулла боялся, какъ бы меня не отравили.

Ночью былъ сильный морозъ.

На другой день, рано утромъ, къ моей палаткѣ собралась большая толпа народа, присутствовать при моемъ отъѣздѣ и восемь дервишей, пришедшихъ за подаяніемъ. Эти послѣдніе, не смотря на морозъ, кромѣ барсовой шкуры на плечахъ, не имѣли

другой одежды. Дервиши выстроились у входа въ мою палатку. При моемъ появленіи, они въ одинъ голосъ вскрикнули: „Я—ху!“ (о—Онъ! что равносильно о, Господи!). Я имъ подалъ щедрую милостыню и это, повидимому, произвело хорошее впечатлѣніе на народъ, долго и громко выражавшій пожеланія счастливаго пути.

Изъ Кушка меня провожали до ста вооруженныхъ джемшидовъ. Выѣхавъ изъ селенія и чрезъ двѣ версты переваливъ чрезъ небольшой отрогъ, мы увидѣли Паропамизскій хребетъ. Скоро начался подъемъ, который тянулся семь верстъ. Подъемъ, въ началѣ очень отлогій и пролегающій по мягкому грунту, къ вершинѣ перевала оказался крутымъ и скалистымъ. Мы переходили Паропамизъ чрезъ перевалъ Хазретъ-и-Баба, носящій свое названіе отъ мазара, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ перевала, откуда начинается скалистый подъемъ. Перевалъ покрытъ снѣгомъ съ половины декабря до половины апрѣля; но сообщеніе не прекращается всю зиму. Избѣгаютъ переваливать чрезъ хребетъ только тогда, когда надъ Хазретъ-и-Баба стоятъ облака, что означаетъ тамъ мятель. Когда я проходилъ чрезъ Паропамизъ, то снѣгу еще не было, и жители ждали его недѣли чрезъ двѣ. Вершина перевала и спускъ съ него скалистые. Спускъ очень крутой и весьма затруднителенъ для движенія. Тропинка пролегаетъ около глубокаго скалистаго оврага, по дну котораго течетъ рѣчка. Мы пересѣкли оврагъ два раза: на

25-й и 30-й верстахъ. Переходъ чрезъ оврагъ очень труденъ. На 10-й верстѣ отъ вершины перевала начинается ущелье, выходъ изъ котораго на 33-й верстѣ. Здѣсь мы вступили въ обширную долину, имѣющую около пяти верстъ ширины. Долина совершенно ровная; кое-гдѣ покрыта обработанными полями, для орошенія которыхъ устроены карызы, подземные арыки. На 40-й верстѣ селеніе Ширмасъ, жители котораго персіяне. Селеніе подвержено набѣгамъ туркменъ. Селеніе построено до того оригинально, что я позволяю себѣ для наглядности приложить планъ его и профиль. Оно окружено стѣною съ башнями по угламъ. Къ стѣнѣ примыкаетъ рядъ двухэтажныхъ построекъ: въ нижнемъ этажѣ помѣщаются лошади и коровы, а въ верхнемъ люди. Дворъ общій, 15 шаговъ въ квадратѣ. Сюда на ночь загоняется скотъ, которому недостаетъ мѣста въ нижнемъ этажѣ. Но такъ какъ дворъ очень тѣсенъ, то козлы и бараны взбираются на верхній этажъ и ночуютъ, частью въ жилыхъ помѣщеніяхъ, частью на небольшихъ площадкахъ между куполообразными домами и внѣшнею стѣною. Для полноты картины я долженъ прибавить, что по срединѣ двора стояла большая красная лужа. Селеніе Ширмасъ имѣетъ 30 дворовъ. Всѣ жители въ паршахъ и болѣютъ глазами.

Изъ краткаго описанія пути отъ Бала-Мургаба чрезъ Паропамизъ въ долину Герируда, въ которой лежитъ Гератъ, видно, какія трудности онъ пред-

ставляетъ. Бала-Мургабъ лежитъ на р. Мургабъ, оплодотворяющей мервскій оазисъ, слѣдовательно я шелъ по дорогѣ изъ Мерва въ Гератъ. Для передвиженія сколько-нибудь значительнаго отряда этотъ путь невозможенъ. Отсюда я позволяю себѣ, вопреки мнѣніямъ Раулинсона и другихъ авторитетовъ по Средней Азіи, высказать, что Мервъ не есть ключъ къ Герату. Если бы англичане заняли Гератъ, то мы ужъ ни въ какомъ случаѣ не займемъ Мерва, ибо это нисколько не уравновѣситъ наше положеніе съ англійскимъ. Изъ Мерва есть другой путь на Серахсъ, персидскую крѣпостцу на Гери-рудѣ. Этотъ путь, по собраннымъ мною разспроснымъ свѣдѣніямъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Отъ Мерва: 1) Кучегумъ, 24 версты. (Куче—значитъ улица). Здѣсь песчаныя горы образовали на протяженіи пяти верстъ проходъ или улицу. Воды нѣтъ. 2) Колодцы Шагитлы, 36 верстъ. четыре колодца; глубина до воды 12 аршинъ; глубина самой воды два аршина. 3) Колодезь Пализекъ, 60 верстъ. Колодезь единственный; высѣченъ въ скалѣ. Глубина 12 аршинъ. 4) Урочище Киндерли, на р. Гери-рудъ, 60 верстъ. Здѣсь прежде существовала персидская крѣпость, нынѣ въ развалинахъ. 5) Серахсъ, 12 верстъ. Итого 192 версты. Такимъ образомъ, здѣсь являются три безводныхъ перехода, каждый въ 60 верстъ, причемъ Пализекъ есть единственный колодезь, высѣченный въ скалѣ, почему разсчитывать на него рискованно. Тогда надо счи-

тать безводные переходы: одинъ въ 120 верстъ, а другой въ 60. Три безводныхъ перехода подъ рядъ, каждый въ 60 верстъ, сколько нибудь значительному отряду преодолѣть невозможно. Такимъ образомъ, и съ этой стороны Мервъ не есть ключъ къ Герату. Ключъ служитъ для того, чтобы имъ отворить и войдти. Отпирая Мервъ, т. е. занимая его, вы не можете войдти въ Гератъ. Мервъ имѣетъ другое значеніе, но никакъ не по отношенію къ Герату.

VIII.

4-го ноября, рано утромъ, Мустафа будитъ меня и говоритъ, что поздно ночью пришли войска изъ Герата, встрѣчать меня, и что афганскій чиновникъ, прибывшій съ ними, ждетъ аудіенціи. Одѣвшись, я велѣлъ его позвать. Это былъ чиновникъ для особыхъ порученій при гератскомъ генералъ-губернаторѣ, Джанъ-Магометъ-ханъ. Онъ поздравилъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ и отъ имени генералъ-губернатора поднесъ такое множество сластей, что онѣ не могли помѣститься въ комнатѣ и пришлось разставлять ихъ на крышѣ. Между сластями былъ между прочимъ кабульскій виноградъ, уложенный въ деревянныя коробки *). Джанъ-Магометъ-ханъ сообщилъ мнѣ, что вслѣдствіе полученнаго изъ

*) Ягоды отрываются отъ вѣтокъ и кладутся рядами; каждый рядъ перекладывается хлопкомъ; въ коробкѣ три ряда. Въ такомъ видѣ кабульскій виноградъ вывозится въ Индію, гдѣ, какъ извѣстно, винограда нѣтъ.

Кабула приказанія принять меня самымъ лучшимъ образомъ, генералъ-губернаторъ отправилъ его съ тремя сотнями хазадаровъ встрѣтить меня, по дорогѣ на Курукъ, такъ какъ онъ полагалъ, что я поѣду по этому пути. Онъ, Джанъ-Магометъ, уже четвертыя сутки ищетъ меня и только вчера вечеромъ, совершенно случайно, узналъ, что я ночую въ Ширмасѣ; выступивъ ночью, онъ предъ разсвѣтомъ явился сюда.

Хотя до Герата оставалось всего три фарсанга (18 верстъ), но Джанъ-Магометъ убѣдительно просилъ меня остановиться у Сурхъ-рабата, куда онъ направилъ кухню, и гдѣ меня уже ожидаетъ обѣдъ. Несмотря на ранній часъ и на то, что вообще не имѣю обыкновенія принимать пищу во время движенія, я уступилъ просьбамъ Джанъ-Магомета и согласился на остановку у Сурхъ-рабата.

Затѣмъ Джанъ-Магометъ вышелъ за ворота селенія и приказалъ конвою*) выстроиться. Конвой, приведенный Джанъ-Магометомъ, состоялъ изъ конныхъ хазадаровъ, племенъ теймуръ и маури, живущихъ около Герата. Люди одѣты въ архалуки и шапки туркменскаго покроя, только пониже. Сидятъ на великолѣпныхъ коняхъ, одной породы съ конями газаре и джемшидовъ и вооружены ружьями съ сошками. Конный хазадаръ получаетъ 15 рупій (9 руб.)

*) Какъ этотъ конвой, такъ и пришедшій со мною, ночевали внѣ селенія, за исключеніемъ шести человѣкъ, которые составляли при мнѣ караулъ.

въ мѣсяцъ, находится ли онъ на службѣ, или сидитъ дома; но за то онъ долженъ быть готовымъ во всякую минуту явиться въ строй. Когда люди были готовы, я выѣхалъ изъ селенія и прослѣдовалъ по фронту сотенъ, при чемъ били въ литавры.

Чрезъ часъ мы подъѣхали къ Сурхъ-рабату. Здѣсь, на обширной полянѣ, у развалинъ краснаго рабата (сурхъ—значитъ красный), были разбиты пять огромныхъ палатокъ. Самая большая палатка, подбитая шелковою матеріею, предназначена для меня. Въ ней были посланы дорогіе ковры и бархатныя мутаки *). Остановка у Сурхъ-рабата продолжалась два часа. Намъ подали роскошный обѣдъ и чай.

Отъ Сурхъ-рабата открывается видъ на широкую, верстъ около 20-ти, долину Гери-рудъ, покрытую множествомъ селеній. Отсюда же видѣнъ Гератъ съ своими величественными развалинами, напоминающими самаркандскія.

Для предстоящаго вступленія въ городъ конвойные змѣинаго полка нарядились въ красные мундиры и форменныя шапки.

Отъ Сурхъ-рабата мы тронулись въ такомъ порядкѣ: впереди всѣхъ Джанъ-Магометъ, за нимъ сотня теймуровъ; въ тридцати шагахъ за сотней я, окруженный цѣпью стараго конвоя; въ сорока шагахъ позади другая сотня теймуровъ, затѣмъ обозъ и въ замкѣ сотня маури. Мы двигались почти все время

*) Палатки, ковры, кухня, и проч. поднимаются на четырехъ верблюдахъ и пяти мулахъ.

около селеній, которыя, не смотря на близость Герата и огромный гарнизонъ его, построены такъ же, какъ и Ширмасъ. Народъ выходилъ на дорогу и сидѣлъ на крышахъ. Верстахъ въ двухъ отъ городской стѣны, на правой рукѣ, въ полуверстѣ отъ дороги, находится нѣсколько сараевъ, въ которыхъ стоитъ полевая артиллерія. Я насчиталъ сорокъ мѣдныхъ орудій. Здѣсь же построены казармы для пѣхоты. Подъѣхавъ къ городскимъ воротамъ, Джанъ-Магометъ остановился и послалъ спросить меня, какимъ путемъ желаю ѣхать: чрезъ базаръ или же прямо чрезъ городъ. Я отвѣтилъ: чрезъ базаръ. Тогда мы, не вступая въ ворота, повернули влѣво и у подошвы стѣны проѣхали до слѣдующихъ воротъ, въ которыя и вступили. Пройдя нѣсколько улицъ, мы въѣхали въ крытый базаръ. Не смотря на то, что день былъ не базарный, множество народу собралось на пути. Лишь только мы вышли на базаръ, какъ около меня очутились двое пѣшихъ полицейскихъ, которые не отставали отъ меня до тѣхъ поръ, пока я не прибылъ въ назначенное мнѣ помѣщеніе, въ диванъ-хана, гдѣ живетъ и самъ генералъ-губернаторъ. Я въѣхалъ въ обширный дворъ, обсаженный деревьями, съ двумя прудами, и остановился у крыльца. Въ моей квартирѣ, на галереѣ, ожидалъ меня генералъ-губернаторъ со свитою. Не зная объ этомъ, я вышелъ на галерею какъ былъ, т. е. въ пальто, запыленный, и порядочно смутился, очутившись предъ самимъ сардаромъ Магометъ-

Омеръ-ханомъ. Но оказалось, что сардаръ смутился больше, чѣмъ я: по моему примѣру, онъ снялъ съ себя шапку и обнажилъ голый черепъ, но тотчасъ же ее надѣлъ. Мы усѣлись въ креслахъ. Подали чай. Я поблагодарилъ сардара за все то вниманіе, которое онъ оказалъ, устроивъ такой отличный пріемъ. Я особенно доволенъ тѣмъ, что мнѣ не дѣлаютъ никакихъ стѣсненій, а все предоставляютъ моему усмотрѣнію, не такъ, какъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ и въ Меймене. Извинился, что не бывъ предупрежденъ, представляюсь ему въ такомъ видѣ; но завтра явлюсь въ мундирѣ. Я намѣренъ прожить въ Гератѣ два дня. Не встрѣчается ли съ его стороны препятствій? Сардаръ отвѣтилъ, что онъ не находитъ никакой надобности скрывать отъ меня что-либо. Я могу ходить гдѣ хочу и смотрѣть что хочу. Въ Гератѣ могу оставаться столько времени, сколько нужно. Относительно дальнѣйшаго движенія къ персидской границѣ я могу быть совершенно спокойнымъ: онъ уже сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія о сборѣ конвоя и проч. Затѣмъ сардаръ совершенно неожиданно спросилъ меня: люблю ли я рыбу? Сегодня поймали отличную рыбу въ Герирудѣ и если я пожелаю, то она мнѣ будетъ подана за обѣдомъ. Потомъ сардаръ высказалъ, что онъ очень радъ, видя, что я доволенъ; сегодня же пошлетъ чапара въ Кабулъ съ донесеніемъ о моемъ прибытіи. Не напишу ли я что нибудь русскому посланнику? Проситъ извинить, что меня не встрѣ-

чаетъ сапарсаларъ (главнокомандующій), потому что онъ на похоронахъ. Коснулся политики: теперь русскіе и афганцы въ дружбѣ; онъ много слышалъ хорошаго про русскихъ; англичанъ не любитъ; англійскаго посланника ни за что не пустятъ въ Кабулъ. Эта аудіенція продолжалась около часу. Пожелавъ мнѣ отдохнуть съ дороги, сардаръ со свитою удалился.

Сардаръ Магометъ-Омеръ-ханъ, родственникъ эмира Ширъ-Али-хана, управлялъ Гератскою областью съ 1874 года *). Ему была подчинена только гражданская часть (въ томъ числѣ хазадары), а военную вѣдалъ сапарсаларъ Гуссейнъ-Али-ханъ. До 1874 года военная и гражданская части находились въ однихъ рукахъ Якубъ-хана, сына эмира. Но послѣ возстанія, поднятаго имъ противъ своего отца, Ширъ-Али-ханъ нашелъ опаснымъ оставлять обѣ части въ однихъ рукахъ. Сардару 70 лѣтъ: но онъ очень бодръ и кажется моложе своихъ лѣтъ. Во время пріема былъ одѣтъ въ шубу, покрытую дорогою кашмирскою шалью, съ золотыми шнурками на груди и шапку изъ каракула. Его очень хвалятъ, но говорятъ, что ему далеко до Якубъ-хана, о которомъ остались самыя теплыя воспоминанія въ области, впрочемъ, можетъ быть потому, что онъ поднялъ

*) Когда Якубъ-ханъ былъ заключенъ въ тюрьму. Съ воцареніемъ Якубъ-хана Магометъ-Омеръ-ханъ лишился своего мѣста. Въ настоящее время правителемъ Гератской области состоитъ братъ Якубъ-хана, Магометъ-Эюбъ-ханъ, въ послѣдніе годы царствованія Ширъ-Али-хана проживавшій въ изгнаніи въ Мешхедѣ, на огромной персидской пенсіи.

знамя бунта во имя самобытности Герата, память о которой еще свѣжа въ народѣ.

Помѣщеніе, отведенное мнѣ, состояло изъ громадной залы въ два свѣта и галлереи, на которой принималъ меня сардаръ. Зала отъ галлереи отдѣлялась рѣзной насквозь деревянной стѣнкой. Помѣщеніе это, по всей вѣроятности, очень пріятное во время лѣта, представляло нѣкоторыя неудобства въ ноябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ температура его была одинакова съ температурою на дворѣ, а на дворѣ по утрамъ морозило. Это первое неудобство, съ которымъ можно было помириться. Второе же состояло въ томъ, что въ верхнемъ этажѣ, окнами въ залу, жилъ казначей и у оконъ постоянно толпился народъ, наблюдая, что я дѣлаю. Зала и галлерея были убраны драгоцѣнными коврами. Я пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что ко мнѣ назначено пятнадцать человѣкъ прислуги. Изъ нихъ, напримѣръ, одинъ только подавалъ умываться, другой только подметалъ комнату, третій только завѣдывалъ освѣщеніемъ и т. д. Раздѣленіе труда поражающее. Прислуга никакъ не могла понять, какимъ образомъ одинъ Мустафа и чай подаетъ, и сапоги чиститъ, и свѣчи заправляетъ и пр. Здѣсь человѣкъ ни во что не цѣнится. Его не защищаютъ отъ туркменъ; его, по обязательной службѣ, отрываютъ отъ дома, чтобы всю жизнь подавать чай, или раскуривать кальянъ; для охраны дверей въ цейхгаусъ *) ставятъ рядомъ четырехъ часовыхъ.

*) Въ гератской цитадели.

У входа въ квартиру мою поставили часового. Чрезъ часъ по отбытіи сардара является Джанъ-Магометъ и спрашиваетъ: надо ли, чтобы стоялъ часовой, или же его можно снять; опасности нѣтъ никакой.—Конечно снять.—Такимъ образомъ я впервые съ 7-го октября, т. е. со дня вступленія моего на афганскую почву, почувствовалъ себя свободнымъ, т. е. не арестованнымъ.

За уходомъ Джанъ-Магомета является казначей отъ сардара. Сардаръ слышалъ, что мнѣ нужна золотая монета; онъ прислалъ его, казначея, узнать, сколько мнѣ нужно; проситъ не стѣсняться; эмиръ Ширъ-Али-ханъ отдалъ строгій приказъ угождать мнѣ во всемъ; сардаръ можетъ дать 100, 200 тиллей, больше—сколько ни потребую. Слова казначея я совсѣмъ не понимаю. У сардара денегъ я не просилъ, да у меня и своихъ достаточно; откуда сардаръ слышалъ, что мнѣ нужны деньги?—Мустафа сказалъ.—Тогда только я понялъ, въ чемъ дѣло. Я хотѣлъ пріобрѣсти нѣсколько персидскихъ золотыхъ монетъ и велѣлъ Мустафѣ купить ихъ. Мустафа спросилъ у прислуги, гдѣ можно достать тиллей; та отвѣтила, но немедленно же передала своему начальству, отъ котораго послѣдовалъ докладъ сардару уже въ томъ смыслѣ, что будто я прошу у него денегъ. Всю эту исторію я и разсказалъ казначею. Но онъ опять свое: не стѣсняйтесь, мы вамъ дадимъ, сколько хотите и т. д. За истощеніемъ другихъ, я привожу ему тотъ доводъ, что не могу принять де-

негъ отъ чужого правительства; какъ путешественникъ, я могу принять хлѣбъ-соль, кровъ; объ этомъ сказано и въ христіанскомъ, и въ магометанскомъ законахъ; но денегъ не приму никогда; если бы даже нуждался въ нихъ, то продамъ лошадей и вещи. Эти доводы нисколько не убѣждаютъ казначея. Наконецъ я ему говорю, чтобы онъ меня оставилъ, такъ какъ собираюсь писать письмо въ Кабулъ. Онъ уходитъ и уже въ дверяхъ въ сотый разъ повторяетъ: не стѣсняйтесь; мы вамъ дадимъ 100, 200 тиллей и т. д.

Я написалъ генералу Разгонову письмо, въ которомъ просилъ его передать эмиру мою благодарность за все то содѣйствіе, которое мнѣ оказывали въ его владѣніяхъ. Письмо это было отправлено тотчасъ же по передачѣ его сардару, такъ какъ назначенный чапаръ уже ожидалъ.

5-го ноября, облачившись въ мундиръ, былъ у сардара, а потомъ у сапарсалара. Сардаръ жилъ на сосѣднемъ дворѣ и во время моего визита занимался дѣлами, а потому я пробылъ у него нѣсколько минутъ. Сапарсаларъ же жилъ въ цитадели.

Я отправился къ нему пѣшкомъ съ Джанъ-Магометомъ и Мустафою. Цитадель отъ меня была шагахъ въ восьмистахъ. Сапарсаларъ Гуссейнъ-Али-ханъ, съ двумя генералами, ожидалъ въ небольшой комнатѣ. Всѣ они были одѣты въ парадной формѣ и сидѣли рядомъ въ креслахъ. Кресло для меня было поставлено напротивъ. Гуссейнъ-Али-ханъ сдѣлалъ нѣ-

сколько шаговъ на встрѣчу мнѣ и подалъ руку. Генералы встали и тоже подали руки. Усѣлись и подали чай *). Говорили о войскахъ, о турецкой войнѣ, объ осадахъ Герата, о Поттинджерѣ и Бларамбергѣ. Визитъ мой продолжался около получаса.

По возвращеніи домой, я нашелъ у себя въ комнатѣ свой портретъ, нарисованный красками однимъ писаремъ-персіяниномъ, который схватилъ меня въ то время, когда я, одѣтый въ мундиръ, проходилъ по двору. Форма схвачена довольно вѣрно.

Остальную часть дня провелъ въ осмотрѣ мечетей. Подъ вечеръ, Джанъ-Магометъ, не зная, чѣмъ бы меня занять, спросилъ: видѣлъ ли я слона? У нихъ, въ Гератѣ, до послѣдняго времени было три слона, но съ недѣлю тому назадъ два изъ нихъ посланы къ арміи **). Я отвѣчалъ, что слона видѣлъ, но никогда не ѣздилъ на немъ. Нельзя ли покататься на слонѣ? — Можно. — Чрезъ полчаса привели слона, на которомъ я совершилъ два круга по двору, сначала шагомъ, потомъ рысью. Джанъ-Магометъ сообщилъ, что въ Кабулѣ сто слоновъ, которые употребляются для перевозки военныхъ тяжестей и для подъема артиллеріи на горы. Слоновъ кормятъ клеверомъ и тѣстомъ изъ муки, съ примѣсью масла и виноградnаго меду.

---

*) При парадныхъ пріемахъ у афганцевъ подаютъ обыкновенно двѣ чашки чаю съ сахаромъ и послѣ нихъ полчашки безъ сахару.

**) Въ Мазаръ-и-Шерифѣ есть также одинъ слонъ.

Гератъ очень большой городъ, не меньше Ташкента, т. е. въ немъ около 50 тысячъ жителей. Изъ азіятскихъ городовъ Средней Азіи и Хорасана Гератъ по постройкамъ своимъ занимаетъ второе мѣсто послѣ Мешхеда. Улицы, какъ во всѣхъ азіятскихъ городахъ, кривыя, узкія, грязныя. Городъ окруженъ кирпичною стѣною въ четыре сажени вышины; впереди стѣны неглубокій ровъ. У самаго контръ-эскарпа стоятъ дома, входящіе въ составъ города. Стѣна не имѣетъ вооруженія. Никакихъ отдѣльныхъ укрѣпленій внѣ города и вообще чего бы то ни было, напоминающаго европейскую фортификацію, нѣтъ. При настоящемъ положеніи обороны, Гератъ не въ состояніи защищаться противъ европейскаго войска, такъ какъ въ $1^1/_2$ верстахъ къ сѣверу отъ города есть командующія высоты, съ которыхъ можно разгромить его артиллеріею. Въ срединѣ города цитадель, построенная на искусственной насыпи. Стѣны цитадели имѣютъ четыре сажени высоты. Впереди стѣны глубокій водяной ровъ, въ которомъ растетъ камышъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна начала разрушаться. Постройки въ цитадели расположены очень тѣсно.

За Гератомъ признаютъ великую стратегическую важность. Англичане считаютъ Гератъ ключемъ къ Индіи. На сколько сами афганцы придаютъ значеніе Герату, видно изъ того, что въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ, до столкновенія съ англичанами, было расположено 25 батальоновъ пѣхоты. Въ Гератѣ же имѣлъ постоянное пребываніе главнокоман-

дующій всѣхъ афганскихъ войскъ. Въ ожиданіи разрыва съ Англіею, изъ Герата къ границамъ Индіи были двинуты 9 батальоновъ. Такимъ образомъ въ Гератѣ оставалось 16 батальоновъ и 40 орудій. Кавалерійскихъ полковъ въ Гератской области на постоянной службѣ не состоитъ, а по мѣрѣ надобности собираются конные хазадары.

7-го ноября, простившись съ Магометъ-Омеръ-ханомъ и съ Миръ-Али-ханомъ, я, въ сопровожденіи сотни теймуровъ, съ Джанъ-Магометомъ во главѣ, тронулся въ дальнѣйшій путь. Мы шли по совершенно ровной мѣстности, у подошвы горъ, ограждающихъ широкую, около 20-ти верстъ, долину рѣки Гери-рудъ. Мѣстность у подошвы горъ совершенно безплодная, покрытая галькою. Населеніе группируется по рѣкѣ Гери-рудъ, берега которой сплошь застроены и обработаны. Мы остановились на ночлегъ въ селеніи Шекиванъ. Верстахъ въ двухъ отъ этого селенія къ намъ выѣхалъ на встрѣчу и для дальнѣйшаго препровожденія до персидской границы губернаторъ Гуріана, и шагасы Саматъ-Али-ханъ, съ 300 всадниками и со знаменемъ *). Всадники всѣ маури. Названіе свое получили отъ Мауръ (Мервъ), куда они были переселены въ царствованіе Надиръ-шаха и впослѣдствіи, по разрушеніи Мерва, возвратились на прежнія свои мѣста. Всѣ сидѣли на отличныхъ лошадяхъ. Хотя маури принадлежатъ къ персидской расѣ, но замѣтно отличаются отъ персіянъ

*) На каждую тысячу хазадаровъ полагается знамя.

своимъ ростомъ, очертаніемъ лица, молодцоватымъ видомъ и исправною одеждою. Говорятъ, что они храбрый народъ.

Отъ Герата до Шекивана $38^1/_2$ верстъ. Дорогу два раза пересѣкаютъ небольшіе ручьи. Путь очень легкій.

8-го ноября, съ конвоемъ изъ 400 всадниковъ, въ сопровожденіи гуріанскаго губернатора, мы прибыли въ Розанакъ. Переходъ 25 верстъ. Въ этотъ день мы шли съ военными предосторожностями, выславъ цѣпь на горы.

Селеніе Розанакъ на половину разрушено. Жители сильно терпятъ отъ туркменъ. На поляхъ повсюду башни.

9-го ноября прибыли въ Кусанъ, послѣдній населенный пунктъ до персидской границы. Переходъ въ 30 верстъ. Первая половина пути пролегаетъ по совершенно ровной мѣстности, а вторая пересѣкаетъ небольшіе отроги, спускающіеся съ сѣвера. Въ близкомъ разстояніи отъ дороги, по лѣвую руку протекаетъ р. Гери-рудъ, берега которой сплошь покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. Въ лѣсной чащѣ обыкновенно туркмены выжидаютъ свою добычу. Поэтому во время движенія 9-го числа, цѣпи были высланы по обѣ стороны дороги. На пути мы встрѣтили людей, возвращавшихся въ Гератъ изъ Мешхеда, куда они возили хоронить тѣло одного родственника сапарсалара Гуссейнъ-Али-хана.

Три четверти Кусана лежатъ въ развалинахъ. Мнѣ говорили, что въ Кусанѣ нѣтъ семьи, въ которой кто-нибудь не былъ бы въ плѣну у текинцевъ. Здѣсь

мнѣ представлялись люди, освобожденные изъ хивинскаго плѣна въ 1873 году. Они низко кланялись, цѣловали руки и полы моего пальто и благодарили Бѣлаго Царя и русскихъ, освободившихъ ихъ изъ неволи. Они спрашивали: неужели Бѣлый Царь такъ и попуститъ ихъ пропадать здѣсь? Противъ текинцевъ одна надежда на русскихъ. Земли у насъ много, воды, лѣсу тоже, но туркменъ больше всего. Какъ тутъ жить?

Какъ бы въ доказательство того, что здѣсь дѣйствительно нельзя жить, мнѣ, котораго сопровождала кухня сардара, за обѣдомъ подали ячменный зеленоватый хлѣбъ, мѣстный продуктъ. Три четверти всего населенія выселилось; остальную четверть насильно удерживаютъ на мѣстѣ, но не принимаютъ никакихъ мѣръ къ защитѣ ея. И въ это несчастное селеніе и шагасы устроилъ еще парадный въѣздъ, поставивъ въ шеренгу всѣхъ мѣстныхъ хазадаровъ! Къ Кусану весьма близко подходитъ Гери-рудъ съ своими чащами. Жители отлично понимаютъ, что вся бѣда происходитъ отъ этихъ чащей, но вырубить ихъ они не въ состояніи. На всѣхъ поляхъ башни.

Такъ какъ 10-го числа я оставлялъ афганскіе предѣлы, то наканунѣ написалъ благодарственное письмо Магомедъ-Омеръ-хану, за все то, что онъ для меня сдѣлалъ.

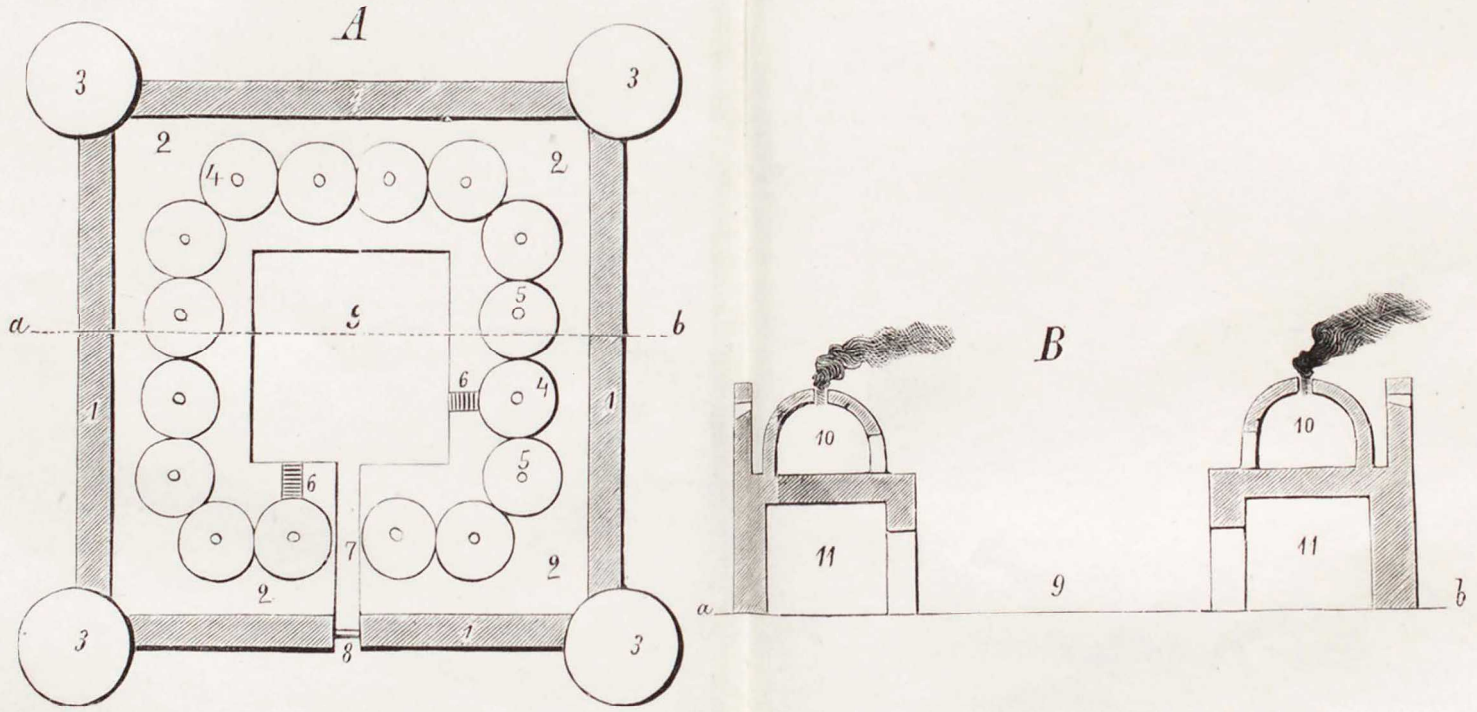
Переходъ до персидскаго селенія Карызъ считается самымъ опаснымъ, потому что рѣка Гери-рудъ близко подходитъ къ дорогѣ, а затѣмъ приходится переправляться чрезъ нее въ лѣсу. Поэтому

еще 9-го ноября, вечеромъ, посланы были сильные разъѣзды по горамъ и въ лѣсную чащу, осмотрѣть ихъ, не скрываются ли тамъ туркмены. Дорога совершенно ровная. Гери-рудъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее переходятъ въ бродъ, течетъ четырьмя рукавами; самый широкій рукавъ имѣетъ 40 саженъ ширины. Бродъ по брюхо лошади. Дно рѣки покрыто галькою и огромными карчами. Отъ мѣста переправы Гери-рудъ поворачиваетъ на сѣверъ къ Серахсу и протекаетъ по округу, гдѣ когда-то существовало 350 селеній, нынѣ лежащихъ въ развалинахъ, вслѣдствіе набѣговъ туркменъ. У жителей этотъ округъ такъ и называется округомъ 350 разоренныхъ селеній. По всей дорогѣ отъ Кусана до Карыза, несмотря на то, что она проходитъ по совершенной пустынѣ, на каждомъ шагу встрѣчаются страшные слѣды туркменскихъ аламановъ: это могилы, въ которыхъ похоронены на мѣстѣ же убійства несчастныя жертвы. Могилы лежатъ и на самой дорогѣ, и по сторонамъ ея, на сколько глазъ видитъ. Я не считалъ могилъ, но мнѣ показалось, что здѣсь погребены тысячи людей. Вслѣдствіе опасности прямого пути между Мешхедомъ и Гератомъ, онъ мало посѣщается, и караваны избрали кружный путь, на Турбетъ-и-Гайдари и Кафъ, къ Гуріану. На сколько ничтожно движеніе по первому пути, можно судить по тому, что карызскіо зякетный постъ отданъ на откупъ за 24,000 руб.

Подходя къ развалинамъ Кафыръ-кала, мы увидѣли влѣво отъ дороги пыль. Полагая, что это турк-

мены, ишагасы послалъ туда сотню. Оказалось, что это былъ караванъ, избравшій путь около горъ, съ тою цѣлью, чтобы при нападеніи туркменъ можно было засѣсть за камнями и обороняться. Караванъ, принявъ скачущихъ на него всадниковъ за туркменъ, изготовился къ бою. Дѣло разъяснилось, и сотня присоединилась къ намъ у развалинъ рабата Догаръ, стоящаго какъ разъ на границѣ между обоими государствами. Къ Догару, по письму ишагасы къ старшинѣ селенія Карызъ, вышли къ намъ на встрѣчу 30 всадниковъ, для конвоированія меня до этого селенія. Самъ ишагасы не считалъ себя въ правѣ переходить границу; но, признавая вышедшій персидскій конвой недостаточнымъ, послалъ со мною до Карыза 100 своихъ всадниковъ и остался ждать ихъ возвращенія. По прибытіи въ Карызъ, я выдалъ сопровождавшему меня чиновнику свидѣтельство въ томъ, что доставленъ сюда благополучно.

Не смотря на заботу о моей безопасности и комфортѣ, которую встрѣчалъ на всемъ пути отъ Мазаръ-и-Шерифа до Догара, я почувствовалъ облегченіе, ступивъ на персидскую территорію, гдѣ зналъ, что ко мнѣ не будутъ больше ставить часовыхъ и всюду за мной слѣдовать; но съ первыхъ же шаговъ изъ Карыза я пожалѣлъ, что меня уже не сопровождаютъ афганцы и почувствовалъ полную свою безпомощность.

A. Планъ селенія Шормасъ; *B*. Профиль по линіи *ab*; 1) наружная стѣна; 2) крыша нижняго этажа, на которой поставлены куполообразные жилые дома; 3) башня; 4) куполообразные жилые дома; 5) отверстія для дыма; 6) лѣстница; 7) проходъ; 8) ворота; 9) общій видъ; 10) жилой домъ; 11) нижній этажъ для скота.

МАРШРУТЪ
ОТЪ ПЕРЕПРАВЫ ПАТТА-КИСАРЪ ДО Г. ГЕРАТА

СНЯТЫЙ ГЛАЗОМѢРНО

ПОЛКОВНИКОМЪ ГРОДЕКОВЫМЪ

ВЪ 1878 ГОДУ

Масштабъ

Примѣчаніе: Отъ урочища Сандрадакъ Кокъ До Кирпичнаго караван пути нанесенъ на планшетъ.

I.

II.

III.

II.

Г. ГЕРАТЪ

Г. МЕЙМЕНЕ

Г. БАЛХЪ

Г. МАЗАРЪ И ШЕРИФЪ

Г. ШИБИРХАНЪ

Г. САРЫПУЛЬ